

К. М. Карягин
Шакьямуни (Будда). Его
жизнь и религиозное учение
Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175638

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Глава I. Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения	39
Глава II. Сущность учения Шакьямуни	53
Глава III. Учительская деятельность	70
Глава IV. Распространение учения Шакьямуни	86
Глава V. Последние события из жизни Шакьямуни	95

К. М. Карягин
Шакьямуни (Будда)
Его жизнь и
религиозное учение
Биографический очерк

Изображение Будды Шакьямуни

Предисловие

В подавляющем числе фактов жизнь человечества представляет печальную и грустную картину, конечно, если рассматривать ее таковой, какова она в действительности, не предаваясь обманчивым иллюзиям. Среди узкоэгоистических стремлений, среди беспощадной борьбы за существование совершенно исчезают присущие нравственной стороне человечества стремления к идеалу любви и солидарности между людьми. Но, к счастью для человека, среди этого мрака зла и эгоизма, как спасительные маяки, разливающие свет в ночной темноте, время от времени являются люди, отдающиеся всецело служению человечеству и побеждающие в себе эгоистические стремления. Эти люди так или иначе пытаются направить человека на забытый им путь к правде, воскресить в нем веру в покинутый им идеал любви. Как люди они, конечно, могли ошибаться и попадать на ложный путь в достижении истины, но это не умаляет их заслуг как двигателей развития человеческой мысли и пробудителей человеческой совести. К таким людям принадлежал и Шакьямуни, религиозный реформатор Индии и основатель пессимистического учения. Предметом предлагаемого биографического очерка и будет описание жизни и деятельности этого мудреца древности. Приступая к описанию его жизни, мы должны сказать, что воспользуемся при этом только стро-

го историческими фактами, отбросив все вымыслы и чудеса, которыми в изобилии снабдила жизнь великого учителя плодovitая и пылкая фантазия его ревностных последователей и которые заставляют сомневаться в существовании Шакьямуни как исторического лица (Senart “Essai sur la legende du Buddha”). Но сомневаться в историческом существовании Шакьямуни нет повода, хотя, конечно, того Шакьямуни, о котором идет речь у буддистов, никогда не могло быть в действительности.

Для уяснения той среды, в которой приходилось жить и действовать Шакьямуни, и во избежание сносок и отступлений при изложении очерка его жизни и учения, мы посылаем по возможности полное, по крайней мере в деталях, касающихся жизни и учения индусского мудреца, изложение социального, политического, морального и религиозного быта Индии до Шакьямуни. Считаем это тем более необходимым, что, как это будет видно, учение Шакьямуни является логическим развитием господствовавших в Индии до него философско-религиозных доктрин. Как материала-ми при составлении очерка мы воспользовались сочинениями следующих авторов:

1. *Вейс*. Внешний быт народов древнего мира. Т. 1. М., 1873.
2. *Арнольд*. Свет Азии. Перев. под ред. В. Лесевича СПб 1890.
3. *M. Muller*. A History of ancient sanscrit literature. –

London, 1859.

4. *Lenard*. La philosophie orientale. – V. 1. – Paris, 1889.

5. *Ольденберг*. Будда, его жизнь, учение и община. – М., 1884.

6. *Палладий*. Жизнеописание Будды // Труды пекинского миссионерского общества.

7. *Senart*. Essai sur la legende du Buddha. – Paris, 1875.

8. *Burnouff*. Introduction a l'histoire du Buddhismisme Indien. – Paris, 1876.

9. *Barthelemy Saint-Hilaire*. Le Buddha et sa religion. – Paris, 1868.

10. *Васильев*. Религии Востока.

11. *Хрисанф*. Религии древнего мира. – Т. 1.

12. *H.Ollcott*. A buddhist catechisme. – London, 1881.

Введение

Краткий очерк социального и политического быта Индии до Шакьямуни. Религия, мораль и философия Индии до Шакьямуни

Со времен глубочайшей древности Индия привлекала к себе внимание всех народов. В их воображении эта страна с ее роскошной растительностью и почвой, скрывающей в своих недрах неиссякаемый источник плодородия и неисчислимы сокровища, казалась земным раем, полным таинственных чудес. Еще в эпоху, о которой сохранились в истории одни лишь смутные сведения, сюда проникли арийцы, впоследствии принявшие название индусов (что значит “синий”, “смуглый”). И, постепенно покорив черных аборигенов страны, выработали здесь в продолжение тысячелетий свою своеобразную цивилизацию, своеобразную именно той общей всем восточным цивилизациям чертой, что она также страдает недостатком прогрессивного развития, – Восток по преимуществу является царством неподвижности и застоя.

Эта черта восточных цивилизаций обуславливается, главным образом, как мы увидим далее на примере Индии, тесной связью социального быта восточных народов с их религиозными воззрениями.

Кроме того, сами климатические и физические условия Индии сильно влияли на развитие культуры арийцев. Поми-

мо туземцев, арийцам приходилось здесь бороться с могучей природой Индостана, и бороться с неодинаковым успехом, – местами одолевал человек природу, местами сам покорялся ей. Величественные горные хребты, громадные реки, непроходимые леса и болота – рассадники губительных болезней, джунгли, подобные лесам, засухи, наводнения, разного рода дикие кровожадные звери и, наконец, сам климат страны, жаркий и знойный, – все это препятствовало успешной культуре страны. Но в конце концов человек, хотя и с громадной затратой сил, оказался победителем, он выработал свою культуру, довел ее до известной степени совершенства, но на этой степени и остановился, подавленный созданными самим же им религиозными и нравственными воззрениями.

Героическую эпопею этой борьбы арийцев с природой страны и с подобными себе и постепенное покорение шаг за шагом последних первыми можно проследить по древнейшим литературным памятникам, принадлежащим Индии, – Ведам и “Законам Ману”. Веды представляют произведения целых веков и поколений. Существенные элементы их принадлежат глубочайшей древности, по крайней мере в своих первоначальных частях. Эти произведения состоят из собрания гимнов, полных живой и детски наивной поэзии, хотя местами и монотонной. По ним легко можно представить себе картину религиозной и социальной жизни арийцев той эпохи, когда они только что оставили свое прежнее отечество и жили по берегам Инда, не распространяясь на восток

и юг страны, и когда образ их жизни отличался простотой нравов патриархального быта, еще не знавшего позднейшего разделения на касты и сословия. Этот период истории арийцев называется ведийским.

Кодекс законов, известный под названием “Законов Ману”, рисует нам картину следующей эпохи истории арийцев – периода “браминского”. Законы Ману по степени важности и значения для религиозной и социальной жизни арийцев занимают первое место после Вед. В них собраны все постановления, определившие и установившие все отношения религиозной, политической и общественной жизни индусов. По этим двум памятникам мы и попытаемся представить картину быта арийцев до Шакьямуни.

Первоначальной единицей арийского общества, как и всех других древних патриархальных обществ, была семья. Семья находилась под абсолютной властью отца, – отец был ее царем, судьей и жрецом, но при всем своем абсолютизме он не был личным владыкой семьи, а только воплощением или представителем ее прав и обязанностей. Доблести и подвиги каждого отдельного члена семьи распространялись на всю семью, за все его проступки и обязательства отвечала также вся семья.

Семья была неделима и, будучи многочисленной, оставалась, тем не менее, одним юридическим лицом, а ее имущество – земля и прочее – общим и нераздельным, под управлением отца, обязанности которого после его смерти пере-

ходили к сыну.

Развиваясь из семейства, всякое патриархальное общество существовало на принципе кровного родства. Этот принцип, как мы увидим далее, особенно строго применялся у арийцев. В патриархальном обществе все взаимные отношения, права и обязанности были основаны на факте действительного или предполагаемого происхождения от одного общего предка, и, разумеется, если к такому обществу примыкали почему-либо люди чуждого рода, то они не пользовались правами и преимуществами родственных членов, за исключением случаев усыновления. Подобное присоединение чуждого элемента положило начало социальной дифференциации, разделению общества на сословия.

Когда и как случился у арийцев переход от патриархального быта к быту с определенным государственным устройством трудно точно сказать – уже издавна из среды арийского общества стали выделяться семьи, на которых лежали известные обязанности. Исполнение этих обязанностей переходило от отца к сыну и считалось наследственным, а со временем эта наследственность получила и религиозную санкцию. Вследствие этого арийское общество постепенно разделилось глубокими пропастями на четыре сословия или касты: касту жрецов или браминов (чистых), касту воинов или кшатриев, касту ваишьев или ремесленников, купцов и земледельцев, и касту шудр. Последняя каста образовалась из покоренных народов и составляла самую многочислен-

ную часть народонаселения Индии; этим народам арийцы в противоположность себе дали название “млечча” – нечистые (слово “ариец” означает “благородный”).

Желая сохранить чистоту крови своего племени и опасаясь, что вследствие своей малочисленности они могут быть легко поглощены массой покоренных народов, арийцы строго исполняли законы, касающиеся подразделения на касты. Во всяком обществе, во всяком государстве существовало и существует неравенство между людьми. Везде к естественным неравенствам прибавляли еще искусственные. Повсюду сильные притесняли и притесняют слабых, но нигде это неравенство не имело такого строгого, резкого, систематического характера, как у индусов.

Законы, касающиеся каст, простирали свою строгость до того, что предписывали смотреть на членов низших каст как на существа нечистые – прикосновение их к кшатрию или брамину оскверняло последних и требовало очищения. Особенно строго применялся матримониальный закон, повелевавший брать жену только из своей касты, – брак признавался законным только между членами одной и той же касты. Дети, родившиеся от принадлежавших к различным кастам родителей, считались ниже животных и назывались чандалами.

По Ману, происхождение каст и их обязанности объясняются следующим образом: брамины были созданы из уст Браммы, верховного существа, кшатрии – из его рук, вай-

шьи – из лядвей ¹, шудры – из ног. Сообразно этому происхождению, обязанности брамина заключались в проповеди священного слова, и его прирожденными нравственными качествами были умеренность, непорочность, терпение, мудрость; обязанности кшатрия заключались в охране общества, и им присвоены были слава, отвага, великодушие и добрая нравственность; обязанности вайши – в производстве жизненных продуктов, и шудры – в служении трем высшим кастам. Члены трех первых каст назывались дважды рожденными, потому что при достижении юношеского возраста над ними совершался торжественный обряд принятия и посвящения в касту, что считалось вторым рождением. Посвящение состояло в торжественном возложении священного шнура, отличительного признака высших каст. Этот шнур надевался через левое плечо поперек груди. У шудр подобного шнура не было. Брамины носили шнур хлопчатобумажный, кшатрии – сделанный из волокон конопли, и вайши – шерстяной. Таким образом, мы видим, что по законам Ману не только власть и уважение, но даже сами добродетели распределены между людьми неровно и являются привилегией двух высших каст; мы видим, что самые возвышенные из добродетелей представляют неотъемлемую собственность браминов, самые блестящие из них принадлежат кшатриям. Что же касается низших каст, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обложены повинностями:

---

¹ Лядвея – “ляжка” (словарь М. Фасмера). – Ред.

ваишьи должны обрабатывать землю и ходить за скотом или промышлять, шудры же – исключительно служить высшим кастам. Впрочем, ваишьи имели и более возвышенные обязанности – благотворительность, приношение жертв, чтение священных книг; у шудр же, низведенных на последнюю степень унижения, не было даже и этих обязанностей.

Подобный социальный порядок вначале благоприятствовал развитию жизни арийского общества как в умственном, так и в политическом отношении; культура страны достигла высокой степени развития; но с течением времени тот же порядок парализовал дальнейшее ее развитие, – она развилась настолько, насколько допускали пределы, положенные религией. Мы уже упоминали, что социальный строй индусского общества основывался на религии, а так как религия везде рассматривается как нечто постоянное и неизменяемое, то и основания социального быта, построенные на религиозных началах, являлись неизменяемыми. В самом деле, цивилизация индусов, насколько она выражается в успехах умственной жизни народа, – в успехах науки, философии и искусства, остановилась на пределе, указанном религией. Сдерживаемые тесными рамками религиозных догматов наука и философия погрузились в дебри отвлеченных вымыслов, а искусство, не имея простора, необходимого для творческой фантазии художника, нашло себе исход в изображении чудовищных фантастических форм. Оно отличалось мистическим характером – символика преобладала в живо-

писных, скульптурных и архитектурных произведениях. Музыкальное искусство, очень любимое этим кротким и меланхолическим народом, было единственным, пожалуй, избегнувшим влияния религии, чего нельзя сказать о поэзии. Поэзия была очень развита у индусов; в ней преобладали эпические и лирические произведения, отличающиеся глубоким чувством; многие дорогие человеческому сердцу привязанности, а также человеческая скорбь изображаются в них в высшей степени трогательно. Но и на поэтические произведения религиозное влияние наложило свой глубокий отпечаток.

По свидетельству греческих историков, Индия за шесть-семь веков до Р. Х. представляла следующую картину политического и культурного состояния: в это время в Индии уже было множество богатых и больших городов, принадлежавших более или менее обширным и могущественным государствам с деспотическим правлением, или бывших самостоятельными республиками.

Чтобы дать понятие о городах и городской жизни того времени, мы приведем здесь поэтическое описание одного из таких городов: "... три широкие, всегда чисто содержимые улицы, выровненные по шнуру, тянулись во всю его длину. Дома, построенные один возле другого, окружались светлыми дворами, длинными колоннадами и великолепными террасами. Над домами горожан, подобно горным вершинам, возвышались купола дворцов. В разных местах города видне-

лись площади, парки с прудами и прекрасные сады. Высокие насыпи и глубокие рвы окружали его отовсюду. В его стенах, обложенных разноцветными камнями, наподобие шахматной доски, сделаны были крепкие ворота с прочными запорами. На гребне стен стояли лучники на страже “у смертоносного оружия”. Улицы города были полны движения: по ним постоянно ходили и ездили множество чужеземцев, послы иностранных государств, купцы со слонами, лошадьми и повозками. Из домов неслись звуки тамбуринов, флейт и стройного пения; воздух был напоен курящимися благовоениями, запахом цветов и жертвенных приношений. По вечерам сады и парки наполнялись толпами гуляющих, а на портиках собирались молодые люди и девушки для веселых танцев”.

Из государств того времени наиболее значительными были Кошала (современный Ауд), занимавшая плодородные поля по берегам реки Сараджаны, и Магадха, нынешний Бихор. Цари Кошалы имели свое пребывание то в древней столице Аджадхии, то в новой – Шравастии. В конце шестого века в Кошале правил царь Прасенаджати.

В Магадхе столицей был город Раджагриха (царский дом). Он был расположен к югу от современного города Патна; развалины Раджагрихи до сего времени служат местом паломничества буддистских пилигримов. Магадха была самым могущественным и обширным владением того времени; она простиралась от Бенгальского залива и Брахмапутры до Бе-

нареса. На юге ее границей были Виндийские горы, а с севера Гималаи. В Магадхе при Шакьямуни царствовал Бимбисара, вступивший на престол в 603 году до Р. Х.

Из менее важных государств назовем царство Каши, лежавшее около нынешнего Бенареса, тогда называвшегося Варанаси, страну Малласов с городом Кушинагарой и город Вайшали, торговую республику.

Исторические памятники той эпохи рисуют блестящими и роскошными красками картину жизни привилегированных классов – царей, вельмож, браминов, кшатриев.

Золотая и серебряная домашняя утварь, великолепные шелковые одеяния, вытканые золотыми нитями, оружие, отделанное драгоценными камнями, составляли неизбежную принадлежность той жизни. Роскошные дворцы царей и вельмож утопали в тенистых садах, в которых свежесть поддерживалась множеством прудов, покрытых бесчисленными лотосами – священными растениями, символом производительных сил природы. Эти лотосы поражали своей красотой зрение и наполняли воздух благоуханиями. Вне города цари и вельможи имели обширные парки, куда они выезжали великолепными кортежами на лошадях или слонах, и здесь, в тиши и удалении от городского шума, в тени магнолий и пальм, наслаждались весельем и отдыхом от забот правления. Гаремы царей и вельмож были многочисленны: кроме двух или трех главных жен, у них обыкновенно было множество наложниц, и рождавшиеся дети часто отдавались на по-

печение разом нескольких кормилиц. Бесчисленное множество разного рода служащих – медиков, астрологов, танцовщиц, музыкантов, фокусников и других находилось при дворах царей и вельмож. Благодаря этой роскоши жизни привилегированных классов промышленность и торговля сильно развились. По стране беспрестанно двигались торговые караваны; по ее дорогам постоянно тянулись целые вереницы нагруженных товарами верблюдов, слонов, быков, ослов и даже людей. Наиболее распространенными товарами были разного рода предметы роскоши – шелковые ткани, сандаловое дерево, драгоценные камни, духи и проч. Торговцы из жажды барыша часто решались даже пускаться в открытое море, например, посещали остров Цейлон, и между купцами встречались обладавшие несметными сокровищами. Торговыми операциями занимались преимущественно ваишьи – это была, как мы знаем, их прямая обязанность по закону Ману, но тот же Ману разрешил заниматься торговлей и браминам, чем последние пользовались, являясь опасными конкурентами ваишьям ввиду того, что брамины не обязаны были платить какие-либо подати или повинности. Но все предметы роскоши, циркулировавшие в торговле и промышленности, потреблялись только высшими классами; на остальной массе лежала исключительно обязанность доставлять средства высшим классам для приобретения этих предметов роскоши, и в то время как высшие касты в роскоши блестящей внешней жизни находили хотя бы временное уте-

шение и забвение от давивших все индусское общество религиозных воззрений, народная масса находилась в самом жалком положении поголовного рабства, подавляемая двойным игом: государственным и религиозным. Тем не менее, народ с кротостью переносил свою плачевную судьбу и строго выполнял все то, что требовали от него нравственные правила и религия, к изложению сущности которых мы сейчас и перейдем.

Религия индусов представляла собой идеалистический пантеизм и отличалась крайним мистицизмом. Идеализм, созерцательность и фантазия были издавна свойственны нравственному и умственному складу арийского племени. Арийцев не удовлетворяла грубая и прозаическая действительность окружающей их жизни, “они стремились к иному идеальному миру”, и их пылкая, проникнутая глубокой поэзией фантазия населила весь мир богами и обоготворенными героями. Агни – бог огня; Индра – царь неба – воинственный и грозный бог, вокруг которого группируются Маруты, не менее грозные боги молнии и урагана, сыновья бога Рудры, покровителя; Вишну, Брахамати и многие другие боги составляли пантеон арийских божеств в период воинственной жизни арийского племени, когда оно нуждалось в защите грозных и воинственных богов. Кроме обоготворения природы и ее сил, в религиозный культ арийцев входило верование в переселение душ и поклонение душам умерших предков. Верование в переселение душ принадлежит почти

всем древним религиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она, исчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевленных существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни.

Таковы были религиозные воззрения арийцев в патриархальную и воинственную эпоху их жизни.

Но период завоеваний миновал, наступило время мирной, земледельческой жизни и прочного государственного строя. Благодаря кастовому порядку высшие классы имели возможность отдавать духовной жизни больше времени, чем в предшествовавшую эпоху, и фантазию арийцев перестали привлекать грандиозные мифологические образы. Они пошли далее в развитии пантеизма, и он стал первым и последним словом всей религии индусов. Они стали представлять божество как вселенную в ее целом, как общую совокупность явлений природы, стремились отыскать божество в понятии о бесконечном. Отличаясь страстной и пылкой фантазией, к которой впоследствии присоединилось горькое разочарование в земной жизни, арийцы стали искать в жизни только то,

что считали в ней непреходящим, неизменным, стали представлять ее только призраком бытия и прониклись мыслью о ничтожестве человеческой жизни.

Выразителями и истолкователями этих пессимистических взглядов на жизнь были брамины.

По их учению, истинное, действительное бытие заключалось только в единой всеобщей сущности, в мировой душе, бесконечной и неизменной, Брахме; в нем был центр и источник бытия; вне Брахмы были только иллюзия, обман, заблуждение, и всякое отдельное существование было лишено всякого самостоятельного значения. От этой мировой души все происходит, и к нему все возвращается. Душа человека тождественна мировой душе и является частицей этой души, ее изливанием, и главным желанием человеческой души должно быть стремление возвратиться к своему первоначальному путем нравственного усовершенствования; в противном случае душа никогда не освободится от переселений из одной телесной оболочки в другую.

По учению браминов, Брахма заключал в себе три начала – начало творческое, начало сохранения и начало разрушения – Брахму, Вишну и Шиву. Эта тройственность в браминской теологии известна под именем “Тримурти”. Все в мире совершалось по законам, установленным Брахмой или, скорее, Тримурти, но время от времени порядок нарушался, и тогда для восстановления гармонии божество воплощалось и сходило на землю под именем Кришны. Воплощения эти

имели различные причины: иногда они совершались для того, чтобы исправить расстройство в видимой материальной природе, иногда – чтобы направить жизнь человеческую к ее целям или же искоренить зло, воцарившееся среди человечества.

Доктрина браминов всецело царила над умами арийцев, и все их усилия устремлялись к достижению нравственного и религиозного идеала – соединению с Брахмой. Пути к соединению с Брахмой, по учению браминов, служили или подвиг – умерщвление плоти физическими истязаниями, или созерцание, то есть стремление путем разного рода мистических обрядов прийти к растворению души в сущности Брахмы. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты браминов, потому что они только могли надеяться на соединение с мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрождение в браминской касте или же в одной из высших, и на них лежала только обязанность исполнять предписания, данные браминами. Заметим здесь, что вышеупомянутые религиозные воззрения принадлежали преимущественно двум высшим кастам; простой народ менее ревностно относился к этому культу. Метафизические воззрения браминов были ему чужды, и он продолжал придерживаться древнего культа обожания природы; занятый непосильным трудом, он не имел времени вникать в отвлеченные тонкости браминской теологии, и в то же время, находясь в постоянном общении с природой и

чувствуя на каждом шагу ее влияние и могущество, он из среды древних богов выбрал тех, которые наиболее отвечали его желаниям и потребностям. Народ, как было сказано, уже пережил воинственный период своей истории и перешел к мирному возделыванию полей, – и он забыл воинственного Индру и стал призывать Вишну, бога земли и света, приход которого регулировал времена года и который совместно с другим богом, Гора, считался покровителем земледелия. Но верование в переселение душ проникло глубже в сознание народа, и вследствие этого он, подобно высшим кастам, безропотно покорялся предписаниям браминского ритуала, хотя значение этого ритуала было для него темным. Он с кротостью совершал тяжелые покаяния, приносил бесчисленные жертвы (необходимых жертвоприношений, по Ману, было пять разрядов; совершение этих жертвоприношений считалось обязательным для каждого, и притом каждое утро и вечер), одним словом, исполнял все предписания браминов в надежде улучшить свое будущее бытие, возродиться при лучших условиях в будущей жизни. Предписания же браминов доходили до мелочей и касались не только духовной, но и физической жизни арийца, например, ими было предусмотрено, какая пища, одежда и даже постель и способ приготовления этой постели должны соблюдаться в той или другой касте.

При малейшем нарушении этих предписаний каждый рисковал возродиться в низшей касте и при самых тяжких

условиях новой жизни, и подобная оплошность могла быть искуплена только путем строгих и жестоких покаяний.

Разумеется, эта бесконечная неутешительная перспектива беспрестанных возрождений при тех же самых плачевных условиях страшила народ и лежала на нем, и без того уже задыхающемся под давлением системы каст, тяжелым бременем, и народ постепенно слабел, и стремление к покою, общее племенам жаркого пояса, выразилось в нем особенно сильно и подавляло в нем все остальные чувства. Этот народ, противно всем законам человеческой природы, инстинктивно боящейся, как злейшего врага, смерти, страстно жаждал ее, его пугала возможность “прожить еще сто долгих зим” и приводила в отчаяние необходимость и неизбежность перерождений, а стало быть, новой жизни, новых страданий, новых мучений. Идеалом народа сделалось стремление покинуть этот мир, который был, по его мнению, бездной, преисполненной зла и страданий.

Подобное мировоззрение кажется, пожалуй, еще более странным, когда мы узнаем правила нравственности, приводимые в законах Ману. Эти правила также тесно связаны с религией и считались откровением божества. Они отличаются в некоторых случаях кротким и снисходительным характером. Из них первое место занимают любовь и уважение ко всем живым существам, что было следствием верования в переселения душ. Законами Ману счастье обещается тому, кто щадит жизнь животных, причем браминам пред-

писано пользоваться такими средствами пропитания, которые не соединены с вредом для одушевленных существ или которые причиняют им как можно менее зла. Эта заботливость доходит до того, что браминам запрещено даже раздавливать без всякой причины глыбы земли и срывать травы. Тем более следует воздерживаться от причинения людям зла. “Никогда не следует показывать дурного расположения духа, если бы мы даже были обижены, ни стараться вредить другим, ни даже помышлять об этом; не должно произносить ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить”. “Тот, кто кроток, терпелив, чужд общества злых, получит доступ на небо за свою любовь к ближнему”. “Кто прощает брань огорченным людям, почтен на небе. Кто мыслит о мщении, тот потерпит наказание”. Вот некоторые черты морали браминов, приводимые в Ману. В других рекомендуется сострадание к несчастью и уважение слабости. “Дети, старцы, бедные и больные, – говорит Ману, – должны считаться властелинами земли”. Женщине, как существу слабому, также должно быть оказываемо уважение. “Везде, где женщины пользуются уважением, там общество удовлетворено”; в противном случае все благочестивые дела напрасны. Но надо заметить, что Ману же дает относительно женщины и другие постановления, вызванные сознанием слабохарактерности женщин. “Женщина никогда не должна вести себя, как ей хочется”. “Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме”. Наконец, женщина

называется ничем иным, как только собственностью мужа, и притом это право выражено в очень грубой форме. В ней женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежат владельцу поля. По Ману же мы можем представить себе и семейные отношения индусов.

“Муж составляет одно лицо со своей женой”. “В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена мужу, счастье упрочено навсегда”. Союз девушки с юношей, основанный на обоюдном согласии, называется браком небесной гармонии. Жене предписывается любить и уважать своего мужа и по смерти его не произносить даже имени другого мужчины, и за это ей обещается полное блаженство в будущей жизни. Вот взгляд арийцев на отца и мать: “Отец изображает собой творца вселенной, мать изображает землю”. “Отец, – говорится в другом месте, – достойнее ста наставников, мать достойнее тысячи отцов; для того, кто не уважает их, всякое благочестивое дело не имеет никакого значения. Вот в чем заключается главная обязанность, всякая другая является уже второстепенной”. Мы привели несколько черт нравственности, касающихся всех классов народа. Посмотрим теперь, какова была нравственность двух высших каст. Мы знаем, что законы Ману приписывали браминам самые высшие нравственные качества и между прочим рекомендовали им избегать всяких мирских почестей и находить уничтожение столь же приятным, как амброзия, но это притворное смирение скоро заменилось самой наглой надменностью.

Рождение брамина стало считаться священным событием – это воплощение справедливости; он – самодержавный властелин всех существ; все, что находится в мире, все составляет его собственность, он имеет право на все существующее. Остальные люди пользуются земными благами только благодаря великодушию брамина. Наконец, брамин, будь он учен, или неучен, есть могущественное божество. Но брамины сами по себе не были в состоянии защищать свои преимущества, поэтому они освятили религией и сделали священными преимущества касты воинов и взамен этого требовали от последней себе поддержки. Но, принимая защиту воина, брамин все-таки не признавал его себе равным. Вот как говорит об этом Ману: “Брамин десяти лет, а кшатрий ста лет считаются один – отцом, а другой – сыном, и из них брамин есть отец и к нему должно питать сыновнее уважение”.

Итак, брамины неограниченно господствовали над народом; но, несмотря на это, правление в Индии было не теократическое, а монархическое, хотя власть царей и ограничивалась влиянием тех же браминов. Индусы смотрели на царя, как на божество в образе человека. По их верованиям, верховное существо создало царя из частиц богов Индры, Анилы, Сурии, Ямы, Агни и других божеств, и вследствие этого царь как существо, созданное из сущности главнейших богов, превосходит остальных смертных. О монархе нельзя отзываться презрительно, хотя бы даже он был ребенком, и говорить о нем: “Ведь это простой смертный”. Но и божествен-

ное происхождение не освобождало царей от почитания браминов. Царь обязан был свидетельствовать им свое почтение, как только встанет ото сна, должен был сообщать им о всех своих делах, доставлять им пропитание и отдавать часть от всех приношений. Если царю доставалось какое-нибудь сокровище, то половина его принадлежала браминам, если же браминам, – то они имели право оставить себе все. Собственность браминов в случае смерти и неимения наследников переходила к браминам, но ни в каком случае не к царю, точно так же, за неимением наследников у кого-либо из лиц других каст наследство поступало в пользу браминов. Имущество браминов было священно, царь не мог его касаться, даже в величайшей нужде он не должен брать подати с брамина. Все эти правила сопровождаются самыми страшными угрозами тем, кто отважится притеснять людей, “способных в своем гнев образовать другой мир и другие страны мира и превратить богов в смертных”. Таким образом, цари были в руках браминов, и их власть касалась только двух низших каст, лишенных всякой свободы и всякого влияния. Царь должен был принуждать их исполнять свои обязанности, потому что если бы они хоть на минуту уклонились от исполнения этих обязанностей, то были бы виной разрушения мира. Низшие касты должны были беспрекословно исполнять свои обязанности, потому что творец отдал весь род человеческий под защиту браминов и кшатриев. Ваишье, например, ни в каком случае не должна приходить в голову мысль:

“Не хочу ходить за скотом”. Это была его обязанность, и он должен был исполнять ее. Шудра же даже не имел права владеть собственностью: он был раб, а так как раб не имеет никакой собственности, то у него нет ничего, чем бы господин его не мог завладеть. Понятно, что при такой социальной системе, основанной на деспотизме и рабстве, на всех ступенях общественного строя охранительным началом служило наказание, и действительно, наказание прославляется и превозносится наравне с божеством. “Наказание есть могучий властелин, оно искусный правитель, мудрый применитель законов, в нем лучшее ручательство в исполнении четырьмя кастами их обязанностей. Наказание управляет человеческим родом и покровительствует ему; оно бодрствует в то время, когда все спит, наказание есть сама справедливость”. “Наложенное осмотрительно и кстати, оно доставляет людям счастье, но примененное неосторожно совершенно его парализует”. “Если бы наказание не исполняло своей обязанности – мир пришел бы в смятение, все преграды (между кастами) были бы низвергнуты”. И древнее законодательство не скупится на самые страшные и строгие меры наказания – смертная казнь, лишение какого-либо члена тела, изгнание, конфискация имущества играют между ними преобладающую роль.

Как мы видим, в основных чертах морали браминов смешиваются самым странным образом ужаснейший деспотизм и порабощение низших каст с трогательными началами уче-

ния, страшнейшие угрозы с правилами, твердящими о сострадании.

Преобладающей идеей в учении браминов была, как мы знаем, идея о ничтожестве земной жизни и о соединении с вечным – Брахмой. Подобное мировоззрение создало среди браминов характерное явление – отшельничество. Оно было очень развито в Индии и пользовалось большим сочувствием со стороны всего общества, потому что идеи страданий и освобождения от них были общи всем классам арийского общества. Сперва одни только брамины, а со временем люди других каст, всецело отдавшиеся идее желанного освобождения от влияния на душу всего чувственного, разрывали связи с миром и удалялись в уединение, где подвижками суровой жизни стремились заблаговременно приготовить себе блаженство в будущей жизни. Нередко сами цари на склоне лет оставляли свое завидное положение и в тиши лесов предавались благочестивым размышлениям. Отшельники были священны в глазах народа, и он охотно доставлял им пропитание. Цари и вельможи также покровительствовали им и осыпали щедрыми подаяниями. Конечно, при таких благоприятных условиях число отшельников быстро увеличилось во всей Индии. Они разделились на несколько групп – одни, произвольные труженики, налагавшие на себя всевозможные более или менее тяжелые истязания, например, они сидели продолжительное время между четырьмя пылающими кострами или с постоянно воздетыми к небу руками,

спали на горячем пепле или на утыканной гвоздями доске, выдерживали долгий и строгий пост и т. д.; другие – созерцатели, искавшие покоя в бездействии духа и тела; третьи – соединявшие и мученические истязания и созерцание; четвертые – скитальцы, бродившие по деревням и эксплуатировавшие суеверие народа разного рода гаданиями и фокусами. Главный приют отшельников был в Магадхе. Отшельники жили в ущельях и пещерах горы Гридракута, находившейся в окрестностях города Радушagriхи, в лесах, простиравшихся на юг и юго-восток от Радушagriхи до города Гаи, развалины которого известны под именем Будда-Гаи, и по берегам реки Ниранотжиры; в лесах обитали преимущественно пустынноики-созерцатели. Образ жизни отшельников был различен – некоторые из них придерживались полного уединения и тщательно избегали всякого сближения с остальным миром, иные старались держаться вблизи друг друга и время от времени собирались для бесед; третьи жили общинами по строго установленным правилам.

Как было сказано, отшельничество явилось результатом мрачных воззрений на жизнь человека, проповедуемых браминами, и в свою очередь послужило началом реакции против основных догматов учения браминов. Среди отшельников некоторые, обладавшие выдающимся и критическим умом, не удовлетворялись началами браминской теологии, философии и морали и выработали свои новые философско-религиозные доктрины. Конечная цель этих новых школ

была той же, что и у браминов, то есть стремление к счастью в этой и загробной жизни, приучение души относиться бесстрастно к явлениям жизни и таким образом освободить душу от переселений. Но они расходились с браминами в средствах достижения этой цели. Из этих новых философских школ, сбросивших с себя схоластические путы брахманизма и отвергнувших его мертвящую ум и сердце обрядность, мы укажем только на философию Санкхьи, основателями которой были Капила и Патанджали, потому что их философия имеет некоторые сходные черты с учением Шакьямуни. Философия Санкхьи являлась рационалистической реакцией против чрезмерных требований браминов, она нападала на учение браминов о Тримурти, не признавала значения жертвоприношений и внешней обрядности, критически относилась к теологии и авторитету Вед, доходила даже до отрицания существования богов, которым адресовались жертвы, и сильно подорвала значение браминской касты учением, что каждый человек, к какой бы касте он ни принадлежал, может освободить свою душу от переселений. По учению Капилы и Патанджали, душа существовала сама по себе, она была отлична от природы, явления мира не производились ею и не касались ее, они были делом верховного существа, душа же являлась только орудием его. Чтобы освободиться от переселения, душа должна постигнуть эту истину, и тогда она может относиться к явлениям жизни совершенно равнодушно, и хотя волнения мира не могут не воспри-

ниматься чувством, сознанием, разумом, но в душе, постигшей истинное познание, все эти волнения отражаются как образ в кристальной воде, несколько не волнуя ее. По смерти тела, душа, сознавшая свое отличие от природы, освобождается от всех вещественных уз как чуждого ей начала и не возвратится в циклический круг переселений, но перейдет в первобытное состояние чистого духа. В своем развитии эта философия впадает в крайне экзальтированный мистицизм, и в этом отношении ее можно сравнить с философией мистиков всех времен и сект. Как видим, она учила, что душа может достичь освобождения только познанием, но не внешним, приобретаемым путем наблюдения, а внутренним познанием самого себя, самосозерцанием. Мы знаем, что созерцание входило и в учение браминов как путь к духовному соединению с Брахмой, но к созерцанию они присоединили еще умерщвление плоти: чтобы достичь полного бесстрастия ко всему внешнему, видимому, они учили: “Кто, подобно слепому, видя, не видит, подобно глухому, слыша, не слышит, подобно дереву бесчувствен и неподвижен, о том знай, что он достиг покоя”. Но философия Санкхьи не признавала умерщвления плоти и стремилась достичь бесстрастия путем созерцания. При содействии некоторых внутренних и внешних средств они достигали этого психического состояния. Такими средствами служило продолжительное задерживание дыхания, известное положение тела, сосредоточенное на самом себе созерцание, исключительное обраще-

ние мысли на один какой-нибудь предмет. При таком сосредоточенном положении наступает глубокий покой чувств, и созерцатель испытывает целый ряд мистических ощущений. На первой ступени этого мистического созерцания аскет освобождался от всех земных желаний и весь отдавался одной мысли о слиянии с верховным существом, – им постепенно овладевало сладкое чувство блаженства, разливавшееся по всему его существу. Затем, вследствие сосредоточенности на одной мысли и совершенного покоя, аскет начинал терять способность различать и рассуждать, он ни о чем уже не мог мыслить, кроме верховного существа. Далее он переходил в состояние полного безразличия даже по отношению к испытываемому им блаженству – в нем оставалось только неопределенное чувство физического блаженства. Наконец исчезает и это чувство физического удовольствия, исчезает вместе с тем всякое чувство скорби и радости и наступает глубокое самосозерцание – аскет теряет память и делается свободным от всякого страдания, от всякого чувства удовольствия и неудовольствия, – он впадает в состояние бесстрастия. При этом глубоком покое чувств душа наполняется светом, и в ней возбуждается чудодейственная сила *вибхути* (ясновидения) и вместе с тем способность к единению со всемирным духом (йоги). От слова единение (йога) последователи доктрины Санкхьи называются йогами. Как читатель может видеть, это психическое состояние индусских аскетов является одним из явлений гипнотизма или сомнамбу-

лизм, еще недостаточно выясненной стороны человеческой природы, обратившей на себя внимание в Европе за последнее время, в Индии же известное среди браминов и буддистов уже за несколько сот лет до Р. Х. Самосовершенствование и высшее духовное развитие основывалось у них на этом психическом акте. Как известно, на сеансах гипнотизирования экспериментатор повергает испытуемую личность в глубокий сон, заставляя ее устремлять все ее внимание на какой-либо предмет. Вследствие этого испытуемым субъектом овладевает психическое состояние гипнотизма, состояние, характеризующееся отсутствием личной воли: гипнотизер может подчинить своей воле испытуемое лицо и делать ему какие угодно внушения, и оно против желания исполняет их тотчас же или же спустя некоторое время после сеанса уже в бодрствующем состоянии. Подобным же образом поступали и поступают и индусские аскеты, только с тем различием, что они соединяют в одном лице и гипнотизера и объект опыта, – сосредоточением мысли на одном предмете они усыпляют себя и, совершенно отдавшись созерцанию своих идей, приходят в состояние экстаза. В этом психическом состоянии аскетов значительную роль играли, как это наблюдается и теперь, чисто патологические явления, следствия физического утомления от строгой отшельнической жизни, чрезвычайное душевное возбуждение, отзывавшееся на их нервной системе и вызывавшее в них явления галлюцинации слуха и зрения, неистощимую пищу которым доставляла

их богатая фантазия. Такова сущность учения философской школы Санкхьи. К этой школе принадлежала при Шакьямуни философия Ниргранта.

Кроме этих школ, были школы философии Ньяйя Гаутамы и продолжателя его Канады, эпикурейская школа Локайтики и другие.

В начале пятого века до Р. Х. в Индии появилась новая философско-теологическая доктрина, выделившаяся из браминизма: это доктрина Сиддхартхи Гаутамы, известного более под именем Шакьямуни (что значит мудрец из рода Шакьев) или Будды – наименование, данное ему впоследствии его восторженными последователями и означающее человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими качествами. Таких будд до будды Гаутамы насчитывается у буддистов до 94-х, и они являются ничем иным, как заимствованием из верований браминов в воплощения Брахмы под видом Кришны.

Глава I. Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения

Место рождения Шакьямуни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание. – Вступление в брак. – Нравственный кризис. – Причины его, по буддийским и историческим данным. – Шакьямуни-отшельник. – Его жизнь в отшельничестве. – Открытие им основных истин учения

На северо-западе от царства Кошала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Шакьев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельт Инда.

Цари Шакьев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. От него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит происходящий от Готамы, готамид).

Страна Шакьев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис, в изобилии произраставший на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминовых лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селения лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине шестого века до Р. Х. в этом благословенном уголке земного шара правил славившийся своей справедливостью царь Шуддходана. “Царь закона, он управлял по закону. В стране Шакьев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных”, – говорят про него летописи.

Первая, главная жена Шуддходаны обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За красоту ее прозвали Майя, что значит “призрак”, “иллюзия”.

В 623 году ² до Р. Х. у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддхартха, сокращенно Сиддхартха, что зна-

---

² Надо заметить, что летописи буддистов противоречат одна другой в вопросе о времени рождения и смерти их учителя, и цифры годов возрастают по мере возрастания благоговения к памяти великого учителя и реформатора. Исторически верный год рождения Шакьямуни – это 623-й. – Авт.

чит “совершенный во всех вещах”.

При его рождении, разумеется, сопровождавшемся различного рода чудесами, на изобретение которых не поспешила фантазия буддистов, один отшельник по имени Асита предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он избрет светскую жизнь, или “совершенным, великим” Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддхартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Шуддходаны.

Мать Сиддхартхи умерла через семь дней после рождения сына.

О детстве Сиддхартхи сохранились очень сказочные сведения. Как сообщает одна древняя летопись, детские годы мальчика прошли среди приволья родных полей, где он часто отдавался ранним размышлениям под тенью душистого дерева джамбу, и конечно, в то же время он был окружен той сказочной роскошью, о которой теперь трудно себе составить и понятие. В другой летописи говорится, что мальчик отличался кротким, добрым и задумчивым характером и унаследовал от матери ее физическую красоту.

Когда минул детский возраст, молодого царевича стали

обучать различным искусствам и наукам; он быстро усваивал все, чему его учили, и вообще обнаружил блестящие способности как к умственным, так и физическим упражнениям. Отец отделил ему часть своих владений, окружил его блистательным двором и построил для него три великолепных дворца, по числу трех сезонов климатического года Индии – летнего, зимнего и осеннего. Сиддхартха жил в этих дворцах в обществе своих сверстников, сыновей знатнейших фамилий страны.

Когда Сиддхартхе шел шестнадцатый год, отец решил женить его и выбрал ему в супруги дочь удельного шакийского князя Сопрабудды, красавицу Ясодхиру.

Но прежде чем сделаться супругом прекрасной Ясодхиры, царевич должен был по древнему арийскому обычаю выдержать состязание на турнире со всеми претендентами на руку Ясодхиры.

Состязание это обыкновенно состояло в стрельбе из лука, в плавании, верховой езде и других гимнастических упражнениях, требующих ловкости и силы.

Царевич вышел победителем из этого состязания.

Кроме Ясодхиры, у Сиддхартхи впоследствии были еще две жены и несколько наложниц из бывших при его дворе девушек, танцовщиц и музыкантш. Вторую жену его звали Гопа, и, по преданиям, она принадлежала не к касте кшатриев, как того требовал закон, а к касте шудр – отец ее был брадобреем.

При выборе второй жены Сиддхартха просил, чтобы ему нашли невесту, отличающуюся умственными и нравственными качествами, не обращая внимания на ее происхождение. Черта очень характерная и вполне допустимая в будущем отрицателе кастовых предрассудков.

Окруженный любящими женами и преданными придворными, Сиддхартха прожил в своих роскошных дворцах, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, до 29-летнего возраста.

На 29-м году жизни в царевиче произошел резкий нравственный перелом, в силу которого он решил оставить прежний образ жизни и отдаться новому.

Когда произошел в нем этот нравственный кризис и какие причины побудили его принять это решение, достоверно решить нельзя. Буддийские легенды объясняют это решение так: царь Шуддходана, боясь, чтобы царевич действительно не сделался отшельником, как предсказал ему Асита, старался держать сына вдали от всего, что могло бы внушить ему мысль о несчастьях и бедствиях, наполняющих этот мир, и царевич до 29-ти лет прожил в полнейшем неведении о зле и печали, о смерти и страданиях, и даже о старости и болезнях. Но вот прогуливаясь однажды в сопровождении своего верного возничего Чанны в садах, окружавших его дворцы, он случайно встретил согбенного бременем лет старика, худого, с выступающими наружу жилами, с выпавшими зубами, все члены старика дрожали, и от слабости он едва мог говорить.

Пораженный никогда не виданным до сих пор зрелищем, Сиддхартха с удивлением спросил Чанну, что это за странное существо. Чанна ответил ему, что это старик... “Что же, он и родился в таком виде и такое состояние есть принадлежность его рода?” – продолжал спрашивать царевич. “Нет, – отвечал Чанна, – когда-то и он был так же юн и цветущ, как и ты!”

Царевич, все более и более удивляясь, продолжал задавать вопросы возникшему. “Существуют ли еще подобные люди, и каким образом они доходят до такого жалкого положения?” – говорил он. Чанна отвечал, что таких людей очень много и что уж таков порядок вещей, что люди стареют и дряхлеют, если не умирают молодыми. “Так же и я, Чанна?” – спросил в заключение царевич. “И ты, господин”, – ответил ему возникший. Эта встреча произвела на Сиддхартху сильное впечатление – вся красота окружающей его природы потеряла для него всякое значение, и, погруженный в глубокое и печальное размышление, он возвратился домой. Не успело заглохнуть в душе Сиддхартхи впечатление первой встречи, как вторая, случившаяся также во время прогулки, еще более открыла глаза царевичу на так тщательно скрываемую от него мрачную сторону человеческой жизни. Он увидел человека, больного проказой, все тело несчастного было покрыто язвами и ранами, а в скором времени после этой встречи он увидел похоронное шествие. Когда ему объяснили значение и этих непонятных для него явлений болезни и смерти

и сказали ему, что болезнь и смерть есть удел каждого человека и не щадят никого, он воскликнул: “О горе, к чему же служат царский блеск, роскошь и удовольствия, если они не могут предохранить человека ни от старости, ни от болезни, ни от смерти?! Как несчастны люди! Неужели нет никакого средства прекратить навсегда страдание и смерть!” Одним словом, эти три случая открыли глаза царевичу и произвели на него глубокое впечатление. Он увидел, что в этом лучшем из миров не все так прекрасно, как ему казалось до сих пор. Он убедился в ничтожестве удовольствий молодости и утех жизни, обманчивых и скоропреходящих, он увидел суетность всех забав и наслаждений, которым он так страстно предавался, и покинул их. Он стал размышлять о зле, наполняющем мир, о несчастной судьбе человека, подверженного болезням, старости и смерти. Все его помыслы были устремлены к решению вопроса, как избавить мир от зла, и наконец четвертый случай – встреча с покинувшим все земные блага отшельником, поразившим его достоинством, сосредоточенным спокойствием своего вида, – указал ему путь, по которому, как он думал, всего легче возможно было достичь решения мучивших его вопросов.

Он решил покинуть свои дворцы, жен, сына, только что родившегося у него, и удалиться в уединение, чтобы там обдумать причины зла, смущающего людей, и найти средство если не уничтожить это зло, то, по крайней мере, смягчить его.

Это решение, разрушая честолюбивые замыслы и надежды, возлагаемые Шуддходаной на своего наследника, не могло понравиться ни царю, ни всему гордому роду Шакьев, которые относились к отшельникам с крайним пренебрежением и презрением и нисколько не уважали их. “Нельзя и требовать этого уважения, – говорил впоследствии Шакьямуни, – от потомков Кшатрия, благородного и высокого рода”.

Царь всеми доступными ему средствами пытался отклонить Сиддхартху от принятого им решения. Он окружил его еще большим великолепием, приказал развлекать его танцами, пением, играми, надеясь, что эти средства отвлекут царевича от гнетущих его мозг мыслей и он забудет о них.

Но не смотря ни на что царевич остался непреклонен и в одну ночь, после роскошного празднества, тайно покинул дворец, сопровождаемый только своим верным Чанной. На своем любимом коне Кантаке скакал он в продолжение целой ночи и только на рассвете остановился на берегу реки Аномы, в окрестностях города Кумнигары, в стране Маллаав. Здесь он отдал свои драгоценности и коня слуге и отправил его обратно в Капилавасту.

Так повествуют буддийские легенды о душевном кризисе Сиддхартхи. И действительно, весьма возможно, что однообразие бездеятельной жизни и пресыщенность наслаждениями возбудили в богато одаренной натуре царевича стремление нарушить эту жизнь, вызвало в нем жажду борьбы ради достижения высших целей. Безграничная доброта и искрен-

нее сострадание к человеку, о которых свидетельствует все учение Сиддхартхи, также могли послужить побудительными мотивами покинуть светскую жизнь. Он, конечно, ясно сознавал невозможность достигнуть желанных целей среди суеты мирской жизни и ничего не дающих, кроме утомления, наслаждений, и потому принял решение, как требовали понятия того времени, порвать все родственные и семейные узы и в уединении отыскать желанное осуществление заветных стремлений.

Но вместе с тем, наравне с хорошими побуждениями, здесь могли играть роль и другие менее блестящие стороны человеческого характера, и весьма возможно, что принятое Сиддхартхой решение было естественным результатом политических условий его родины, а так же, как предполагает профессор Васильев, семейных неурядиц.

Дело в том, что отчизна Сиддхартхи, Капилавасту, и несколько других мелких самостоятельных государств и вольных городов Средней Индии являлись не более, как уцелевшими остатками существовавшего некогда союза государства и городов. Эти небольшие владения по своему географическому положению с течением времени мало-помалу входили в состав постепенно усиливавшихся царств Кошалы и Магадхи, находившихся в центре Средней Индии. Как то, так и другое государства стремились образовать одну общую монархию. Государи Кошалы сильно стеснили граничащее с их владениями царство Капилавасту с его западной и юго-за-

падной границы. Они даже охотились на земле Шакьев, как на своей собственной, а современник Шуддходаны и Сиддхартхи насильно заставил Шакьев выдать за себя девицу из их рода по имени Моли, что было против обычая, издавна практиковавшегося у потомков Икшвакулы, – не выдавать девушек своего рода замуж в чуждый род, а также не брать себе жен из чужого рода. Это насилие было тем более оскорбительно для гордого рода Шакьев, что государи Кошалы не могли похвалиться своими предками: они происходили из низкой касты.

Шакьи чувствовали свое бессилие и на притеснения и унижения своего рода могли отвечать только чувством глубокой ненависти к притеснителям.

При таких-то обстоятельствах наследник Шуддходаны отказался от своих прав на престолонаследие – бегство Сиддхартхи как раз совпадает со временем нанесенного его роду оскорбления. Сиддхартха, конечно, хорошо сознавал непрочность политического положения своей родины и предвидел скорое ее падение, что действительно и случилось еще при жизни Сиддхартхи.

Но какие бы ни были причины, побудившие царевича принять решение отдаться служению человечеству, оно далось ему, конечно, не без тяжелой нравственной борьбы. Мирская жизнь представляла для него так много привлекательного, что отрешиться от нее раз и навсегда было нелегко, – ему пришлось покинуть могущество, власть, честь, сла-

ву, богатство, любовь, – одним словом, все, что делает жизнь человека прекрасной, и изменить это спокойное существование на суровую и аскетическую жизнь отшельника; но как бы то ни было, Сиддхартха расстался навсегда со своим прежним положением и сделался отшельником.

Прибыв в окрестности города Кушинагары, он прежде всего обменялся со встретившимся ему нищим своим царским одеянием, оставив для себя только желтый охотничий плащ, который он постоянно носил (желтый цвет был присвоен в Индии одежде членов царских фамилий), и обрезал свои длинные волосы (тоже – знак высокого и благородного происхождения).

Он пробыл в окрестностях Кушинагары семь дней, обдумывая, куда направить ему дальнейший путь, и наконец решил направиться к городу Раджагрихе. Сиддхартха, конечно, слышал об отшельниках, живших вблизи этого города и славившихся своей мудростью.

Прибыв сюда, он сперва вступил в общество произвольных тружеников и сделался преврачумкой (так назывались люди, покидавшие мир с душеспасительной целью) под именем аскета Гаутамы.

Под руководством тружеников он усердно принялся изнурять свое тело жестокими истязаниями, с величайшим терпением переносил зной полуденного солнца и холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду, и вообще все, что предписывалось правилами аскетизма для умерщвления

плоти, но в конце концов увидел, что все эти истязания несколько не приближают его к желанной цели; он убедился в их бесплодности, и пыл к аскезе охладел в нем; он покинул общество произвольных тружеников и перешел к созерцателям, последователям философии Санкхьи.

Во главе созерцателей в то время стояли два брамина – Алара и Удаха. Как мы знаем, все усилия созерцателей устремлены были к достижению бесстрастия: они думали, что достигнут совершенства, приучая душу к твердому и безмятежному покою.

Спокойный образ жизни созерцателей очень понравился Сиддхартхе, и он решился пробыть среди них возможно долгое время. Под их руководством царевич постепенно стал усваивать метод их усовершенствования; он прошел все степени символической лестницы мистических созерцаний, с помощью которых постепенно умиротворял свой дух, научился освобождать его от чувственных волнений и мыслей, предохранять его от влияния внешних впечатлений и водворять в нем непоколебимый покой.

Целые дни проводил Сиддхартха в бездействии, с наслаждением погружаясь в мечтательный мир, и так полюбил это занятие, что не оставлял его в продолжение всей своей жизни.

Но и учение созерцателей не удовлетворило Сиддхартху; он не мог согласиться с главным принципом их учения, что душа созерцателя, его “я”, восходя по степеням созерцания,

остаётся неизменной, и что в самых выпретенных самопогружениях, когда прекращается всякая деятельность и всякое движение в душе, “я” могло также существовать.

Поэтому он покинул и созерцателей и решил в одиночестве совершить труд предварительного подвижничества.

Он направился на юг Магадхи и поселился в окрестностях города Гаи, в лесу, вблизи деревни Урувелы. Здесь он в полном уединении с большей страстью стал предаваться столь полюбившимся ему созерцаниям.

В одно из подобных самосозерцаний Сиддхартха, наконец, нашел разрешение всех мучивших его ум и совесть вопросов, разрешение, которое он тщетно искал до сих пор. Он понял, наконец, и разгадал тайну страданий, удручающих человека; он нашел и средство к избавлению его от этих страданий. В этом мгновенном разрешении мучивших Сиддхартху вопросов нет ничего удивительного и сверхъестественного: люди, одаренные чувствительной и восприимчивой натурой, с сильно развитой фантазией, способны переживать подобного рода ощущения и под влиянием сильного нравственного или умственного возбуждения или потрясения, под влиянием внезапно озарившей их мысли при этом возбуждении они приходят к решению занимавших их ум вопросов, находят ответы на эти вопросы. Сиддхартха-Гаутама, как и большинство индусов, обладал крайне чувствительной и восприимчивой натурой и пылкой фантазией, отшельническая жизнь могла только развить в нем эти каче-

ства, и весьма возможно, что при одном из сильных психических экстазов в его мозгу могла зародиться идея, разом осветившая, как ему казалось, все то, что до того времени было для него темным и неясным. С этого времени Сиддхартха-Гаутама сделался Буддой, т. е. просвещенным, а со временем его восторженные поклонники совместили в нем все совершенные нравственные, умственные и физические качества, какие только возможно допустить в человеке. Сам новоявленный Будда не думал так высоко о себе, но, тем не менее, был глубоко убежден в верности и основательности открытых истин и надеялся, что с помощью их ему удастся искоренить предрассудки и заблуждения рода человеческого. Он смотрел на себя только как на единственного и общего руководителя в духовной жизни и мудрого наставника в изыскании истины. Рассмотрев всесторонне озарившую его идею, Шакьямуни выработал свой собственный взгляд как на философию, так и на аскетику, и составил новое учение, значительно отличавшееся от существовавших при нем философско-религиозных систем.

Легенды повествуют, что Шакьямуни долго обдумывал вопрос, должен ли он возвестить достигнутое им с таким трудом знание человечеству, скованному цепями неведения и греха, или нет, и что, наконец, движимый состраданием к страждущему миру, решил возвестить ему свое учение.

Глава II. Сущность учения Шакьямуни

Сходные черты учения Шакьямуни и браминов. – Догматическая часть его: четыре истины о страдании и избавлении от них. – Нирвана. – Закон непостоянства. – Закон воздаяния и справедливости. – Мораль или аскетика учения. – 10 нравственных правил. – 10 цепей. – Отношение к кастам. – Взгляд на некоторые вопросы метафизики. – Форма изложения учения. – Односторонность учения Шакьямуни

Учение свое Шакьямуни разделил на три части: теорию или догматику, нравственность или аскетику и практику или созерцание. По своей сущности учение Шакьямуни являлось собственно логическим выводом из учения браминов и выделившейся из брахманства философии Санкхьи. Его учение также проникнуто мыслью, общей всем индусам и не чуждой всем вообще людям в известные моменты душевного состояния, о ничтожестве жизни и о том, что род человеческий обречен на страдания. Шакьямуни только развил эту идею более глубоко и приложил ее ко всему, что имело какую бы то ни было форму существования. Все его учение сосредоточивается преимущественно на этом одном чувстве ничтожества жизни и стремления освободиться от нее, – с

ней он является на проповедь своего учения и с ней и умирает.

Также нет большого различия между стремлениями браминов к поглощению души в соединении с вечным – Брахмой и конечным пунктом учения Шакьямуни – уничтожением, погашением души в нирване, между требованиями браминов насильно убить в себе все чувственные порывы жестокими самоистязаниями и созерцанием и требованием Шакьямуни уничтожить их одним только самосозерцанием. Наконец, признаваемые обоими учениями верование в переселение душ и закон воздаяния были также общими чертами учения браминов и учения Шакьямуни.

Но этим сходство и ограничивается.

В дальнейшем развитие учения Шакьямуни является вполне самостоятельным и несогласным с догматами браминской теологии. Шакьямуни совершенно отрицал браминский центр бытия, мировую душу, Брахму; он понял, что сущность бытия браминов – не что иное, как отвлеченное представление, пустота, и что на самом деле существуют только дробные явления, не имеющие никакой устойчивости, подвергнутые вечному изменению.

Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Шакьямуни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол – это “огонь, пожирающий весь мир”.

Слова его, когда он касался этой максимы, поражают сво-

ею безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорит: “Сложное должно рано или поздно распасться, родившееся – умереть. Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, все преходящее, над всем закон разрушения. Быстрая река течет и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возвратить его прошедшую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру уже его не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия; он бьет палкой по воде, думая, что, расступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть владычествует над всем миром и ничто: ни воздух, ни моря, ни пещеры, никакое место во вселенной не скроет нас, ни богатства, ни почести не защитят нас от нее; все земное должно рассеяться, исчезнуть. Перед смертью все равны – богатый и бедный, благородный и низкий; умирают и старые, и молодые, и люди средних лет, младенцы и даже зародыши в утробе матери; умирают все без разбора и срока. Мы идем к смерти прямой и верной дорогой. Тело человека, произведение четырех стихий, есть скудельный сосуд, распадающийся на части при первом сильном толчке. В течение всей жизни оно служит источником страстей, волнений и мучений. Наступает старость, а вместе с ней являются и болезни – старик мечется в предсмертных

судорогах, как живая рыба на горячей золе, пока, наконец, смерть не кончит его страданий. Жизнь то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение ее прекратится подобно тому, как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны ее лопаются под рукой музыканта”.

Но и смерть не освобождает человека от мира страданий и постепенного изменения, – он вновь возрождается к новой жизни и вновь умирает, и так без конца вращается колесо перерождений, и от этого круговорота есть одно только прибежище и защита – нирвана. К нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека – она возделенная цель для всех людей. “Нирвана – это вода жизни, утоляющая жажду пожеланий, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий”.

“После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселениями души, мы, наконец, свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушаемое благополучие – нирвану”.

Итак, Шакьямуни, придя к убеждению, что всякое бытие есть страдание, учил, что для уничтожения страдания долж-

но уничтожить самое бытие, разрушить его до основания, “погасить в нирване”.

Но каким же образом можно было достигнуть этого состояния совершеннейшего покоя? Познанием четырех высоких истин, открытых Шакьямуни и лежавших в основании его учения – истины страдания, истины происхождения страдания, истины уничтожения страдания и истины о пути, ведущем к уничтожению страдания.

В первых двух истинах он излагает теоретическую часть своего учения, а в двух последних – практическую: о необходимости избавления от страданий и о средствах к избавлению от них.

Сам Шакьямуни так излагает эти четыре истины: “Братья, мы блуждаем по печальному, пустынному пути перерождений только потому, что не знаем четырех истин спасения. Вот, братья, высокая истина страдания: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с людьми любимыми есть страдание, близость людей нелюбимых есть страдание, недостижимость желаний есть страдание (короче, все существование индивидуума есть страдание). Вот, братья, высокая истина о происхождении страдания: это – жажда бытия (танха), ведущая от перерождения к перерождению, это – влечение к удовлетворению чувственности, влечение к индивидуальному счастью. Вот, братья, высокая истина об уничтожении страдания – это совершенное уничтожение жажды бы-

тия, уничтожение вожделений; их должно уничтожить, отрешиться от них, положить им предел. Вот, братья, высокая истина о пути, ведущем к уничтожению страдания: это – высокий восьмеричный путь, который называется истинной верой, истинной решимостью, истинным словом, истинным делом, истинной жизнью, истинным стремлением, истинными помыслами и истинным самопознанием”.

Познанием этих истин можно достигнуть вечного покоя, мудрости, просвещения, нирваны, то есть такого душевного состояния, когда уничтожается всякая жажда бытия и исчезают все страсти, – состояния, которому ничто не соответствует в мире, оно выше всякой деятельности, в нем существо, отрешенное от всякого движения жизни, погружается в совершеннейший душевный покой, и наоборот, неведение, незнание этих истин служит источником всех зол жизни. Кроме познания этих четырех истин, люди для достижения нирваны должны были освободиться еще от следующих “десяти цепей”, приковывающих их к существованию: во-первых, от заблуждения, что “я”, индивидуальность или душа неизменны; во-вторых, от сомнения в том, что существует путь к освобождению от перерождений; в-третьих, от убеждения в том, что разные религиозные обряды – молитвы, жертвы, почитание религий и прочие обряды и церемонии – ведут к спасению; в-четвертых, от чувственных страстей и желаний; в-пятых, от ненависти и недоброжелательства к своим близким; в-шестых, от любви к земной жиз-

ни; в-седьмых, от желанья будущей жизни на небе; в-вось-
мых, от гордости; в-девятых, от высокомерия и, наконец, в-
десятых, от неведения. Познавший четыре истины спасения
и освободившийся от “десяти цепей”, по учению Шакьяму-
ни, мог достигнуть последней степени нравственного совер-
шенства, совершенства Будды и вместе с тем нирваны. Низ-
шие степени совершенства, присущие людям, не вполне по-
знавшим истину и освободившимся от 10-ти цепей, но близ-
ко стоявшим к достижению совершенного познания, давали
этим людям знания архатов (высшая степень) и анагаминов
(низшая степень).

Но этого совершенства может достичь незначительная
часть людей, а именно тех, которые решатся покинуть мир-
скую жизнь; большая же часть, преданная суетной мирской
жизни, не в состоянии достичь совершенства, а может толь-
ко, в зависимости от свершенного, улучшить или ухудшить
свою будущую жизнь и, следовательно, приблизить или уда-
лить блаженную минуту вечного успокоения в нирване, и
только в редких случаях и при особенно благоприятных
условиях человек, ведя мирской образ жизни, мог достичь
степени анагамина.

Здесь, как мы видим, Шакьямуни признает верование
браминов в переселение душ и в соединенный с этим веро-
ванием закон воздаяния.

По легендам, во время своих созерцаний Шакьямуни ча-
сто видел целый ряд своих перерождений, а также и пере-

рождений других существ. В своих беседах с учениками он часто упоминает о них. Он говорил: “В такое-то время я был там-то и там-то, говорил на таком-то месте, носил такое-то имя, принадлежал к таким-то фамилии и касте, жил столько-то лет так-то и так-то, то окруженный счастьем и богатством, то нищетой и бедствиями. После смерти я возвратился в мир в таком-то месте, у меня была такая-то судьба, наконец я увидел свет здесь и сделался учителем”.

Трудно допустить, чтобы Шакьямуни нарочно выдумывал подобного рода рассказы, скорее они являлись результатом галлюцинаций, испытываемых им во время созерцаний, или же он прямо брал их из народных преданий и пользовался ими для выражения своих нравственных истин, сближая события давнего времени с происшествиями, которых он был очевидцем.

Вообще он придавал верованию в переселение душ и закону воздаяний только нравственное значение.

Последний был одним из основных принципов учения Шакьямуни, и он при всяком удобном случае говорил о нем.

Всякое существование зависело от дел, добрых или злых, совершенных в предыдущие рождения. “Черное, – говорил Шакьямуни, – отличается черным, белое – белым. Дело – начало и причина всякого существования”. Сумма дел, совершенных существами, поддерживала существование вселенной со всеми ее степенями и разрядами, а качество дел определяло для существа будущую форму рождения. Кто совер-

шал злые дела, за тем следовало страдание, как “колесо следует за шагом вьючного животного”, кто же творил добрые дела, за тем следовали счастье и блаженство “подобно тени, никогда его не покидая”.

Этот закон воздаяния обуславливался моральным порядком вещей (кармой), законом связи причины и следствия.

“Строгая постоянная справедливость царствует в мире повсюду. Каждое дело приносит свой плод, и ничто не может спасти человека от последствий его поступков. Ни в отдалении неизмеримого мирового пространства, ни в пучине моря, ни в глубине горных пропастей не найдешь ты места, где бы мог избежать последствий твоих поступков”, – говорится в Дхаммападе ³.

Таким образом, мы видим, что Шакьямуни придавал большое значение личности человека, его воле – всякий человек, ведя справедливую и строгую жизнь и исполняя нравственные правила, данные Шакьямуни, мог надеяться достигнуть со временем избавления от страданий. В одном из своих изречений он советует дорожить формой благородного человека, в которой только и возможно освобождение от переселений и которая достается в удел существу редко, через тысячелетия.

В этом отношении учение Шакьямуни сильно разнится от учения браминов.

---

³ Дхаммапада – собрание изречений Шакьямуни для светских последователей. – Авт.

Отрицая бытие Брахмы, к которому все сводилось в брахманстве, Шакьямуни вместе с тем отвергнул и первобытный идеалистический пантеизм (он не признавал божества как чего-то неизменного, как и остальные существа) и все источники браминского религиозного учения – Веды с их объяснениями, всю браминскую теологию с ее запутанной, софистической диалектикой, с ее многообразной обрядностью и жертвоприношениями.

Расходясь с большей частью принципов браминского учения, Шакьямуни расходился в то же время и с воззрениями других, современных ему философских школ Индии. Особенно сильно напал он на учение о существовании неизменной души, неизменного положения, принятого почти всеми философскими школами того времени. Шакьямуни, как мы знаем, признавал в душе творческую силу, так сказать *raison d'etre*⁴ всякого бытия – она может нисходить до степени души существа животного и даже растительного царства и уничтожиться в нирване, смотря по заслугам. В этом заключалась догматическая часть учения Шакьямуни.

Перейдем теперь к его аскетике или нравственности.

Вместо продолжительных, тяжелых покаяний и жестоких истязаний браминов, Шакьямуни ввел мягкий аскетизм, выразившийся, главным образом, в соблюдении нравственной чистоты.

Шакьямуни установил, что желающий спастись должен

---

⁴ смысл существования (*фр.*) – Ред.

был соблюдать следующие правила: охранять жизнь всякого живого существа и не причинять ему никакого зла, уважать чужую собственность, быть целомудренным, правдивым, воздержанным в питье и еде (Шакьямуни запрещает пить спиртные напитки и советует принимать пищу в определенное время дня и, по возможности, раз в день), удаляться от всех светских удовольствий и развлечений, а также воздерживаться от разного рода украшений, мазей и т. п. Вот все правила аскетики, которые считал Шакьямуни за необходимые для достижения возрождения при благоприятных обстоятельствах и которые он преподавал своим светским последователям.

От своих учеников он, кроме исполнения этих правил, требовал еще соблюдения двух следующих: 1) спать на жестком и низком ложе и воздерживаться от мясной пищи и 2) жить в добровольной бедности.

Отсюда мы видим, что Шакьямуни, ясно сознавая, что не все люди способны отрешиться от мира и достигнуть нирваны, попытался дать им нравственные правила, стремящиеся сделать более сносными невзгоды обыденной жизни, и внушить людям живое и искреннее сострадание к их ближним и тем смягчить по крайней мере их горести и печали.

Он не оставил людей, неспособных отрешиться от мирской суеты, их собственной судьбе, подобно своим предшественникам по философии. Он учил, что каждый человек, стремясь уменьшить тяжесть неизбежного зла для себя, дол-

жен стараться и для себе подобных и вообще для всех одушевленных существ; что люди должны быть кроткими, снисходительными, сострадательными и делать все, что возможно, для облегчения участи других ввиду своего собственного благополучия; советовал не предаваться скорби о своих собственных бедах, но заботиться о других людях. Он говорил, что следует быть щедрыми, давать милостыню и творить дела милосердия, доставлять пропитание бедным, заботиться о больных.

Добрым, совершаемым без всякой своекорыстной цели, делам Шакьямуни придавал большое значение и относился с презрением к людям, поступающим хорошо только на словах. Он говорил: “Подобно прекрасному цветку, поражающему блеском своей окраски, но не имеющему благоухания, красивые слова человека, не поступающего согласно с ними, не приносят плода”.

Ради облегчения участи людей он, кроме того, давал весьма практические и очень полезные для обыденной жизни советы, например, рассаживать по сторонам дорог целебные травы, садить деревья, разводить рожи и сады плодовых деревьев, где бы бедные путешественники находили плоды для утоления голода и тень для отдыха, рыть колодцы, строить гостеприимные дома и т. п.

Одна древняя надпись гласит: “Воздерживайся от всякого зла, твори добро, обуздывай свои мысли”, – в этих немногих словах, можно сказать, заключается весь смысл учения Ша-

кьямуни о нравственности или аскетике.

В нем, как мы видим, он проповедовал те начала человеколюбия и братства, которые существовали как бы в зародыше и в законах Ману, но были там совершенно подавлены началом каст. Шакьямуни развил и смягчил моральные начала брахманизма.

Провозгласив равенство людей по происхождению в смысле общедоступности спасения и кроткое снисхождение к человеку во имя общей для всех горькой участи бытия, Шакьямуни сильно поколебал авторитет каст.

Впрочем, надо оговориться, что Шакьямуни не имел намерения нападать на политическое учреждение каст и даже придавал им большое значение в том отношении, что они имеют свои выгоды и невыгоды в смысле нравственного самоусовершенствования – высшие касты при их материальном обеспечении имели больше шансов достигнуть его, и в то же время у них было и более соблазнов нарушить предписанные Шакьямуни нравственные правила, а это, как мы знаем, было очень важно для будущей жизни.

Шакьямуни преследовал только одну цель – цель спасения человечества путем его нравственного улучшения. В древнейших легендах и в духовных буддийских книгах, где приводятся изречения Шакьямуни, не встречается ни одного возражения против существования каст; напротив, он смотрит на это учреждение как на установившийся факт, которого он и не думал изменять; он не проповедовал общественно-

го равенства, но провозгласил его начало – равенство религиозное. Брамины считали науку благочестия, спасения как бы своей наследственной собственностью; прочие касты были принуждены исполнять только внешние обязанности, духовную пищу они получали от браминов, а достигнуть спасения могли только возродившись в касте браминов. Напротив того, Шакьямуни призывает людей всех каст пользоваться духовной жизнью и всем обещает спасение за благочестивую жизнь. Мы видели, что основатели других школ уже положили начало этому делу, нападая на предписанные браминами правила как на совершенно бесполезные, и один из них (Капила) сделал для каждого доступным имя аскета, которое до него было почти исключительным правом брамина. Шакьямуни пошел далее – он всех людей призывал к равенству духовной жизни и таким образом признавал между различными кастами духовное равенство, и религию и благочестие сделал не преимуществом одной какой-либо касты, но правом добродетели, знания и заслуги.

Эти принципы хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браминов. В одной из древних легенд говорится: “Брамин не отличается так, как камень отличается от золота или свет от мрака. И в самом деле, он не произошел ни из эфира, ни из ветра – он, как и чандала, родился от женщины. Почему же один должен быть благородным, а другой нечистым? Ведь и

брамина по смерти покидают, как презренную и нечистую вещь; с ним в этом отношении происходит то же, что и с людьми других каст. Где же различие?”

Оканчивая этот краткий очерк сущности догматики и аскетики учения Шакьямуни (мы не говорим о третьем отделе его учения – о созерцании, потому что оно сходно с учением о созерцании Капилы, о котором было упомянуто во введении, и отличалось от него только принципом изменяемости души, “я”), прибавим, что он положительно отказывался решать некоторые метафизические вопросы, например, откуда произошел мир и жизнь существа, есть ли начало мира или нет и т. д.

На подобные вопросы он отвечал, что они не имеют отношения к нравственным обязанностям человека, что драгоценным и скоротечным временем надо дорожить и не следует тратить его на подобные рассуждения, а необходимо готовиться к достойной встрече смерти. “Представьте себе человека, – говорил он, – раненного стрелой в грудь. Спасение его зависит от искусства врача, который легко может вынуть смертоносное орудие. Неужели раненый станет спрашивать, из какого дерева сделана стрела, в какой цвет и какой краской она окрашена и какой птицы перья к ней прикреплены?.. Неужели он станет заниматься подобными вопросами, зная, что время проходит и ему грозит неперемнная смерть?”

В другой легенде приводится следующий ответ на подобные же вопросы, предложенные ему учениками: “Вопросы

эти бесплодны, потому что неразрешимы”. И в подтверждение своих слов рассказал следующую древнюю историю о слепцах:

“Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения и спросил их, каков вид слона. Слепцы отвечали, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов ощупал ту часть слона, к которой прикасалась его рука. Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь, какой вид имеет слон. “Узнали, – отвечал один, ощупавший туловище слона, – он похож на ведро!” “Нет, прервал его другой, ощупавший ногу, он похож на столб!” Третий, ощупавший хобот, утверждал, что слон похож на канат. Между слепцами возник бесконечный спор. Тогда царь сказал: “Толпа людей, лишенных зрения! К чему безумно спорить о форме слона, когда вы сами не знаете, кого осязали!..”

Шакьямуни редко вообще произносил длинные речи, что было результатом его долгой отшельнической жизни, большая часть которой прошла в безмолвном созерцании; в большинстве случаев он высказывал свои поучения в кратких, но сильных афоризмах (сутры), украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Своим афоризмам он часто придавал числительную форму, что сильно облегчало их запоминание. Вот, например, один из его афоризмов: “Три печати моего учения – всякое явление скоротечно, ни в чем нет постоянства, нирвана есть покой”. Учил Шакьямуни пре-

имуущественно на трех туземных наречиях, которые он знал в совершенстве, – магадхском, тамильском (ныне дровирское) и млечча.

На предыдущих страницах мы изложили сущность учения Шакьямуни. Как метафизик, он смотрел на жизнь и ее явления сквозь призму субъективного мировоззрения. Глубоко разочарованный в жизни, он пришел к отрицательному, безотрадному и одностороннему взгляду на жизнь и, как результату этого взгляда, учению о нирване. Он совершенно упустил из виду, что жизнь человека не должна быть пассивной, что цель ее заключается не в бездействии и сне, а в энергичной деятельности и борьбе, в стремлении к развитию нравственных идеалов человека и в уничтожении всего, что противодействует этому развитию, и, смотря на жизнь с собственной точки зрения, создал нравственное учение, высший идеал которого состоит в подавлении всякого жизненного ощущения, в *смерти заживо*, в уничтожении мысли и чувства.

Шакьямуни дает краткое, но точное изложение этой морали. Вот оно: “сидеть лучше, чем ходить, спать лучше, чем бодрствовать, всего лучше – смерть”.

Глава III. Учительская деятельность

Ее неудачное начало, причины неуспеха. – Кашьяпа-огнепоклонник и его ученики. – Шакьямуни склоняет к принятию своего учения Кашьяпу и делается главой 600 учеников. – Вторичное вступление на арену учительской деятельности. – Ложные слухи о политических замыслах Шакьямуни и опровержение им этих слухов. – Смерть отца Шакьямуни. – Покровители и враги его. – Диспуты с антагонистами. – Преследования со стороны браминов и Девадатты, одного из учеников Шакьямуни. – Девадатта – основатель секты

Как мы сказали, Шакьямуни после долгих колебаний решил возвестить миру открытое им учение. Для этой цели он опять вернулся в покинутый им свет.

Но начало его учительской деятельности было неудачно – его ждало горькое разочарование: вместо ожидаемого успеха он встретил только насмешки и презрение. Когда в первый раз он выступил в городе Варанаси с публичной проповедью об открытых им истинах избавления от страданий, многие из слушавших его громко выражали сомнение в здравости его умственных способностей и говорили, что “царский сын сошел с ума”. Между прочим, в Варанаси он встретил своих

родичей и хотел на них испытать силу своего учения и красноречия. Но и родичи ответили ему насмешками и укоряли его в непостоянстве и легкомыслии, с каким он изменил свою жизнь, уйдя в отшельничество. Они доказывали ему, что у него еще нет ни необходимого авторитета в деле проповеди, ни опытности, какими обладают другие философы.

Действительно, Шакьямуни совершенно терялся среди массы философов различных школ и отшельников, бродивших, поучая и нищенствуя, по стране и имевших большей частью своих учеников и последователей среди народа.

Народ не отличал его от этих нищенствующих философов, и когда последние из опасения найти в новом философе опасного соперника, способного внушить народу недоверие к ним и лишить их, таким образом, средств к существованию, стали преследовать его, – народ недоумевал и спрашивал: “Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как и вы?”

Одному, без последователей, Шакьямуни трудно было выделиться из толпы отшельников и бороться с влиянием других философов, более опытных и пользовавшихся известностью и уважением в народе.

Неудачное начало общественной деятельности ⁵ заставило Шакьямуни обратить внимание на шаткость своего поло-

---

⁵ По некоторым легендам, Шакьямуни удалось во время его пребывания в Варанаси сделать последователями своего учения пятерых аскетов, бывших его товарищами в прежние времена. – Авт.

жения.

Он стал приискивать средства, с помощью которых он мог бы подействовать на общественное мнение, и нашел, что самым лучшим средством будет приобретение возможно большего числа последователей.

Для достижения этого он решился склонить к принятию своего учения кого-нибудь из наиболее известных, имевших своих учеников и последователей философов.

Выбор его пал на аскета Кашьяпу. Он вновь возвратился на берега реки Нираньчжары, где жил Кашьяпа-огнепоклонник, последователь учения, которое считало огонь самым могущественным деятелем в целом мироздании. Наряду с поклонением огню Кашьяпа поклонялся небесным светилам. В известные часы дня Кашьяпа и его ученики приносили животных в жертву огню, а ночью разводили на жертвенниках огонь и зажигали лампы. Недалеко от Кашьяпы жили два его младших брата – Гая и Нати. Они также поклонялись огню и хоть имели своих учеников, но признавали авторитет старшего брата.

Кашьяпа славился необыкновенной строгостью жизни, и к нему ежегодно стекались на поклонение жители города Раджагрихи.

Шакьямуни решил употребить все усилия, чтобы склонить Кашьяпу к принятию своего учения.

Он отправился к Кашьяпе, но последний, заметив, что имеет дело с аскетом, а не учеником, принял его холодно

и недоверчиво и во время беседы старался отклонить Шакьямуни от высказанного последним намерения поселиться вблизи Кашьяпы.

Но ни холодная встреча, ни недоверие Кашьяпы не повлияли на Шакьямуни, он продолжал настойчиво стремиться к намеченной цели. Поселившись недалеко от Кашьяпы, он терпеливо и осторожно старался заслужить внимание знаменитого анахорета. Он оказывал ему знаки внимания и разнообразные услуги, простер свою угодливость даже до того, что разводил огонь на жертвенниках при поклонениях Кашьяпы. Когда к Кашьяпе стекались пилигримы, Шакьямуни постоянно удалялся на другой берег Нираньчжары и жил в уединении, пока последователи Кашьяпы были при своем учителе. Когда они удалялись, он вновь возвращался к Кашьяпе.

Шакьямуни поступал так, чтобы отклонить тень всякого подозрения со стороны Кашьяпы и показать ему, что он во все не имеет намерения подрывать его авторитет учителя и доверие к нему его последователей.

Подобным поведением он постепенно приобрел доверие и дружбу Кашьяпы. Дружеские отношения философов еще более окрепли, когда Кашьяпа спас жизнь Шакьямуни во время переправы вброд через реку Нираньчжары. Тогда в разговорах и беседах Шакьямуни начал постепенно оспаривать воззрения Кашьяпы и доказывать ему их несостоятельность. Наконец цель его была достигнута.

Кашьяпа, а вместе с ним его ученики, признали учение

Шакьямуни истинным и сделались его учениками. За Кашьяпой последовали и его братья.

Таким образом Шакьямуни разом встал во главе шестисот учеников и теперь мог смело еще раз попытаться возвестить миру открытое им учение.

С чашами для подаяний в руках Шакьямуни и его ученики покинули берега Нираньчжары и направились к городу Раджагрихе, питаясь в пути добротными подаяниями жителей встречающихся деревень.

– Многие, – говорил Шакьямуни, обращаясь к своим слушателям во время пути, – мучимые страданиями, ищут избавления от них в горах и лесах, спасаясь в уединении. Но и здесь не находят они желанного успокоения и избавления от страданий. И только тот, кто примет мое учение, кто познает найденные мною четыре высокие истины, тот избавится от страданий и приобретет истинное успокоение и блаженство... Двух крайностей следует избегать стремящемуся к спасению – жизни среди сладострастных наслаждений – это низко и ничтожно, и жизни среди жестоких самоистязаний – это бесполезно и мучительно. Среднее между этими крайностями должен избрать стремящийся к спасению, и он познает истину и избавление от страданий!..

В подобных поучениях проводил Шакьямуни время на пути в Раджагриху. Направляясь туда, он, помимо других соображений, имел в виду опровергнуть пред царем Бимбисарой приписываемые ему политические замыслы.

Дело в том, что в народе уже было известно, что среди отшельников подвизается аскет из царского рода Гаутамы.

Когда же Шакьямуни явился во главе многочисленных учеников, то в народе распространилась молва, что он намерен приобрести сан Чакравартина, т. е. монарха всей Индии.

Слух этот дошел до Раджагрихи и возбудил здесь некоторые опасения. Поэтому Шакьямуни тотчас же по прибытии в окрестности Раджагрихи поспешил в город и здесь прежде всего постарался опровергнуть слух о своих мнимых политических замыслах. Он публично заявил, что житейские страсти уже давно покинули его сердце и что мирская слава не есть удел анахорета. Когда Шакьямуни явился к Бимбисаре, последний принял его благосклонно. Внимание царя имело для Шакьямуни очень важные последствия. Один из придворных по имени Коланда, видя милость царя к Шакьямуни, подарил философу загородную бамбуковую рощу, которую он сначала отдал было отшельникам школы Ниргронта. Он принудил последних отказаться от дара и передал рощу во владение Шакьямуни. Эта роща называлась Велувана. В ней находились раскинутые в разных местах дома, беседки, кладовые, окруженные прудами и скрывающиеся в чаще душистых магнолий и зонтичных пальм, одним словом, здесь было готовое и удобное помещение для Шакьямуни и его учеников.

При таких благоприятных обстоятельствах случилось второе вступление Шакьямуни на поприще учительской дея-

тельности. О продолжении этой деятельности сохранилось мало достоверных сведений.

Большинство сказаний о жизни Шакьямуни переходят от времени его прихода в Раджагриху прямо к повествованию о последних событиях из его жизни.

Впрочем, одно из этих сказаний передает, что Шакьямуни вскоре после прибытия в Раджагриху узнал, что отец его находится при смерти и, предчувствуя близкую кончину, выразил желание видеть сына. Шакьямуни, все еще сохранивший нежную привязанность к своему отцу несмотря на долгую разлуку, поспешил отправиться в Капилавасту, покинутый им двенадцать лет тому назад. Он застал отца уже на смертном одре. Жители города и окрестных селений, пораженные грозившей им потерей, толпились у ворот царского дворца, и когда Шакьямуни вошел в город, то прежде чем достичь дворца, пробивался сквозь плотную толпу людей, бывших некогда его подданными. Многие из них, узнав царевича, не могли воздержаться от слез, видя его в нищенском одеянии. С трудом проникнув во внутренние покои дворца, все обитатели которого были в большом смятении, Шакьямуни подошел к умирающему. Царь слабым голосом приветствовал сына и просил, чтобы Шакьямуни прикоснулся рукой к его пылающей голове. Шакьямуни высвободил руку из-под плаща и, приложив ее к пылающему лихорадочным жаром лбу больного, держал ее в таком положении, пока тот не умер. Пока умирающий находился еще в полной памяти, Шакья-

муни в утешение ему говорил о высоких истинах избавления от страданий. Шакьямуни пробыл в Капилавасту все время, пока длились похоронные церемонии. Когда труп усопшего был возложен на костер, Шакьямуни сам подложил огонь и по окончании сожжения сказал: “Ничего нет вечного на земле, ничего нет твердого, жизнь проходит, как призрак, как обманчивое видение”.

Затем он покинул Капилавасту.

Буддийские сказания утверждают, что жизнь Шакьямуни протекла спокойно, что он беспрепятственно разбрасывал по стране семена своего спасительного учения.

Но с этим нельзя согласиться. Существуют некоторые факты, показывающие, что жизнь его была полна тревог и огорчений и что только его личный характер и приобретенные им из среды царей и вельмож могущественные покровители ограждали его честь и безопасность. Благодаря им и своей необыкновенной доброте он благополучно прошел сквозь все испытания. Шакьямуни так говорил о людях, относившихся к нему враждебно: “Человека, причиняющего мне вред, я поставлю под защиту моей незлопамятной любви, и чем более зла он мне наносит, тем более добра я ему окажу”.

Мы уже упоминали, что с первого года учительской деятельности Шакьямуни ему начал покровительствовать царь Бимбисара. Царь Кошалы Прасенаджати также был сторонником Шакьямуни, и столица Кошалы Шравасти являлась в

северной части реки Ганга центром и очагом нового учения подобно тому, как Раджагриха – в ее южной части. В окрестностях города Шравасты находилась роща Джетавана, подаренная Шакьямуни купцом Анатгапиндикой. Джетавана была любимым местопребыванием Шакьямуни; здесь он чаще всего проводил сезон дождей.

Кроме названных, сказания упоминают имена еще некоторых царей Индии, но мы не будем их здесь приводить; ограничимся указанием, что Шакьямуни пользовался у всех них большим уважением и почетом.

Тем не менее, покровительство сильных мира сего не спасло Шакьямуни от преследований врагов.

Шакьямуни уже при первом своем вступлении на арену учительской деятельности был встречен недружелюбно со стороны представителей браминизма и разных философских школ, подвизавшихся на том же поприще. Когда же он стал во главе многочисленных учеников и приобрел сильных покровителей, недружелюбное отношение к новому философу обратилось в открытую вражду. Мотивы вражды были очень разнообразны. Здесь играли роль и принципы нового учения, поражавшие своей оригинальностью и новизной, и опасения потерять своих последователей и, наконец, то обстоятельство, что Шакьямуни, хорошо изучивший нравы и обычаи большинства этих философов во время отшельнической жизни, относился к ним с величайшим презрением.

Антагонистами, оспаривавшими начала учения Шакья-

муни, являлись большей частью представители эпикурейской школы Локаятика и некоторых других философских школ. Первые защищали самослучайность, вторые – преимущественно неизменность души в человеке и в мире. Шакьямуни часто вступал в спор и большей частью оставался победителем. Легенды повествуют, что однажды в городе Шравастии Шакьямуни вступил в диспут с целой полудюжиной “святых кающихся”, отличавшихся своей мудростью. После долгого и горячего спора Шакьямуни опровергнул все доводы своих противников; главный из них, добавляют легенды, в досаде на неудачный исход диспута покончил жизнь самоубийством.

Но одними диспутами дело не ограничивалось, антагонисты Шакьямуни прибегали и к интригам в надежде уничтожить соперника. Благодаря этим интригам некоторыми царями были изданы грозные эдикты, направленные против нового учения. Интригам же браминов приписываются легендами и исключения из браминской касты тех ее членов, которые ходили слушать поучения Шакьямуни.

Последнее обстоятельство показывает, что и в среде браминов находились последователи Шакьямуни. Действительно, брамины при Шакьямуни не представляли цельного и сплоченного общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Как нам известно, некоторые из браминов отвергали принципы браминской теологии и составляли свои системы теолого-философии, другие же были заняты

чисто светскими обязанностями и мало обращали внимания на религиозные вопросы, занимая важные государственные места министров или правителей княжеских уделов с правом жизни и смерти и правом собирать подати с подведомственных им владений.

Вследствие этого главными соперниками и врагами Шакьямуни из браминов являлись те, которые по роду жизни и питания могли опасаться обличений Шакьямуни, который мог отнять у них хлеб. Этим браминов Шакьямуни называл бродячими и уклонившимися от первоначального рода жизни. Они назывались “изучающими Веды”, потому что верили и следовали тому, чему учили их письменна и устные предания, заключавшиеся в Ведах. При Шакьямуни они, впрочем, ограничивались изучением в Ведах только тех предметов, которые имели связь с верованиями и суеверными привычками народа, т. е. занимались гаданием и астрологией. Затем не менее деятельными и ненавистными врагами Шакьямуни были последователи школы Ниргронта. Эта школа отличалась тем, что соединила в одну систему различные способы самоусовершенствования. Она учила трем способам достижения совершенства – просвещению ума, созерцанию и труженичеству. Вступающий в эту школу должен был начать с труженичества и провести несколько лет в произвольных истязаниях для искоренения чувственности. Затем он приступал к глубокому и спокойному созерцанию и, наконец, к упражнениям в размышлении об истинах и просвещении

своего ума. Шакьямуни прошел все три степени и во время отшельничества хорошо изучил привычки и тайные побуждения этих аскетов. Последние не могли простить ему презрения, с каким он относился к ним, особенно к труженикам, составлявшим наибольшее число принадлежавших к этой школе аскетов, и платили ему насмешками и обидами, где только возможно. Шакьямуни отвечал им обличениями и не жалел позорных названий для характеристики их поведения. Как характерную иллюстрацию, приведем здесь сказание, повествующее об одной из этих бесед.

Недалеко от города Раджагриха, в саду богатой женщины, собралась толпа тружеников вместе со своим учителем Нягрантой. Наслаждаясь прохладой, они вели громкий и оживленный разговор. Темы разговора были разнообразны: управление министров, сражения, колесницы, лошади, женщины, наряды, вкусные кушанья и тому подобное беспрестанно упоминалось в их беседе. Когда они разговаривали, к ним подошел некто Сантана, один из почитателей Шакьямуни. После взаимных приветствий Сантана заметил им, как неприличны подобные разговоры для их звания, и при этом хвалил Шакьямуни за его безукоризненное поведение и мудрость. “Как мы можем знать о мудрости твоего срамана ⁶ Гаутамы, – заметил один из тружеников, – когда он более любит молчать, чем говорить с посторонними людьми? А между тем он величает себя великим мудрецом, грозит поразить

---

⁶ Сраманами назывались отшельники из каст кшатрий и ваишьев. – Авт.

одним своим словом всех противников и сделать их безгласными, подобно черепахе, и не советует никому задевать его, иначе тот не найдет себе безопасного места от стрел его красноречия. Пусть придет он сюда, мы поздравим его с новым названием подслеповатой коровы, да вот он и сам!” “Смотрите же, – воскликнул другой труженик, – не вставайте с места и не здоровайтесь с ним! Пусть сядет, как хочет!” Шакьямуни пришел в тот же сад освежиться после продолжительного созерцания. Несмотря на уговор при приближении Шакьямуни труженики встали с места и, приветствуя его, пригласили отдохнуть вместе с ними. Шакьямуни вежливо принял приглашение и сел на разостланном ковре. Нягрода, учитель тружеников, преднамеренно завел речь об учении Шакьямуни и просил Шакьямуни объяснить им начала его учения. “Не спрашивайте меня об этом, – отвечал Шакьямуни, – мое учение глубоко и обширно, и вам не понять его!” Тогда Нягрода сказал, что ему желательно знать мнение Шакьямуни о правилах жизни тружеников. Шакьямуни отвечал: “Что касается ваших правил, то я знаю их очень хорошо и в состоянии оценить их. Все ваши правила низки и смешны”.

“Иной ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной ни за что не станет есть из кувшина или блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ложами или за общий стол; иной не примет подаяния из дома, где есть беременная женщина”... И затем Шакьямуни указал еще много примеров тщеславия, суеверия и пустых предрассудков

тружеников и строго порицал их. “Чего же вы, труженики, – закончил он свою речь, – ожидаете за свои труды? Вы ожидаете подаяний и уважения; достигнув же цели, привыкаете к удобствам временной жизни, не имеете сил расстаться с ними, да и не знаете средств. Предаваясь пороку и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности!”

Враждебные отношения браминов к Шакьямуни ограничивались только ожесточенными нападками на его учение и оскорблениями его и его учеников. Совершенно иной характер имели преследования, возникшие в среде его учеников и постигшие Шакьямуни уже на склоне его жизни, когда ему было более 60 лет.

Между учениками Шакьямуни был один из его близких родственников, двоюродный брат по имени Девадатта.

Девадатта уже в юности был соперником Шакьямуни во всем и постоянно завидовал успехам и счастью своего двоюродного брата. Девадатта отличался энергичным, самостоятельным характером и был одарен от природы выдающимися умственными и физическими качествами. Но все эти блестящие качества затмевала одна черта характера Девадатты – его необыкновенное честолюбие. Его тяготило зависимое положение среди учеников Шакьямуни, несмотря на то, что он благодаря своему обширному уму и необыкновенной строгости жизни пользовался большим значением и уважением среди остальных учеников Шакьямуни, и он задумал занять место Шакьямуни. С этой целью он сблизился с сы-

ном царя Бимбисары, Аджатаватрой. Последний отличался, подобно Девадатте, честолюбивым и независимым характером; он тоже сильно тяготился своим положением наследника престола и стремился быть вполне самостоятельным. Девадатта искусно воспользовался слабой стороной царевича и, рисуя перед ним блестящими красками картину будущего их величия и могущества, когда они, сделавшись самостоятельными и опираясь один на другого, приобретут огромное влияние на дела Индии – один как светский повелитель, другой как повелитель духовный, – вполне овладел доверием царевича.

Аджатаватра свергнул своего отца с престола (в 551 году до Р. Х.) и заключил его в башню, где он и умер, по преданиям, от голода.

Со своей стороны Девадатта составил себе партию из недовольных почему-либо своим учителем учеников и открыто восстал против Шакьямуни. Несколько раз, по словам легенд, он пытался лишить Шакьямуни жизни, но последний каждый раз счастливо избегал грозившей ему опасности или же отделялся только незначительными ранами или ушибами.

Шакьямуни с большим терпением и кротостью переносил свои бедствия. Братья несколько раз мирились и затем опять расходились. Девадатте удавалось даже склонить на свою сторону и других учеников Шакьямуни, но при посредстве Сарипутты, другого отличавшегося красноречием уче-

ника и действовавшего в пользу учителя, перебежчики возвращались обратно. Впрочем, преследования продолжались недолго. Сделавшись царем, Аджатакатра из преследователя Шакьямуни превратился в его ревностного последователя и защитника и покинул Девадатту. Однако Девадатта основал свою секту и являлся, таким образом, первым лицом, внесшим раскол в учение Шакьямуни. Отличительной чертой сектантского учения Девадатты был введенный им более строгий аскетизм. Он не допускал употребления в пищу рыбы, потому что и она была таким же живым существом, как и другие животные; не пил молока, так как оно предназначено для телят; одежду носил из цельных полотнищ, чтобы не доставлять портным лишнего труда на сшивание лоскутьев; кроме того, он жил постоянно внутри города, тогда как последователи Шакьямуни жили вне городской черты.

Глава IV. Распространение учения Шакьямуни

Успех учения. – Причины этого успеха. – Духовные и светские последователи Шакьямуни. – Биккху и биккхуни. – Община. – Правила приема. – Правила общежития. – Образ жизни Шакьямуни и его учеников

Между тем, несмотря на преследования и интриги врагов Шакьямуни число его учеников и светских последователей все увеличивалось, и его учение все более и более распространялось в массе народа. Причины успеха учения Шакьямуни легко объяснимы: некоторые присоединялись к числу его последователей ввиду покровительства, оказываемого Шакьямуни сильными и знатными лицами, что обещало им и безопасность и безбедное существование; большинство же привлекала к его учению не милость царей, но новизна и доступность проповедуемых Шакьямуни принципов, что легко понять, если припомнить, какой барьер традиций отделил в продолжение целых веков народ от учения браминов. Со своим учением Шакьямуни обращался не к одним только ученикам, подобно браминам, но ко всему народу без различия каст, что было совершенно новым явлением в Индии.

Брамины учили на языке, не доступном народу, – на языке Вед и ученых. Шакьямуни всегда говорил на языке, по-

нятном толпе, и в форме, легко усваиваемой даже невежественными умами. Как было уже упомянуто, он говорил преимущественно в форме кратких изречений. Все метафизические тонкости своего учения Шакьямуни оставлял для более подготовленных слушателей, желавших разрешить интересовавшие их философские вопросы; обращаясь же к народу, он говорил ему о строгих и чистых нравственных правилах обыденной жизни, и сам первый применял их на деле.

Всего же более в Шакьямуни поражали и привлекали индусов его необычайная кротость, его гуманность, столь противоположные гордости и высокомерию браминов, его безграничное сострадание ко всем бедным, несчастным, угнетенным и, главным образом, проповедуемые им равенство и солидарность людей. Поэтому в числе его учеников, простиравшемся до 1200 человек, было много людей, известных по своему происхождению, уму, образованию или по строгому образу жизни, но были и люди, совершенно неизвестные, принадлежавшие к кастам низшим, нечистым, до того времени всеми презираемым.

В числе его учеников были Кашьяпа, уважаемый Шакьямуни за суровый аскетизм, Судути, известный индусский метафизик, Сарипутта, красноречивый истолкователь идей Шакьямуни, историк Магаллана, известный как совершенный созерцатель, аскет Конданья по прозвищу “познавший”; все эти аскеты и ученые присоединились к Шакьямуни вместе со своими учениками.

Но, с другой стороны, между этими знаменитыми мужами летописи указывают как на одного из наиболее верных и преданных учеников на некоего Упали. Упали принадлежал к касте шудр и до приближения к Шакьямуни был брадобреем, то есть занимался одним из наиболее нечистых и наиболее презираемых в Индии ремесел.

После смерти своего отца Шакьямуни присоединил к своему учению всех своих двоюродных братьев, кроме Маханама, оставшегося править царством, и других членов рода Шакьев. Из них укажем на известного уже нам Девадатту и Ананду. Ананда был самым любимым и наиболее близким учеником Шакьямуни. Несмотря на то, что Ананда не отличался особенно строгой нравственностью, Шакьямуни очень любил его за мягкий и кроткий характер. Называют также в числе учеников Шакьямуни его сына Рагулу и зятя Нанду. Шакьямуни присоединил Нанду к обществу своих учеников насильно. Нанда принужден был покинуть молодую жену и, скучая по ней, несколько раз пытался бежать, но неумолимый учитель всякий раз возвращал его обратно.

Женщинам доступ к учению Шакьямуни был вполне открыт. В одной из легенд говорится, что однажды Ананда, утомившись от долгого пути и почувствовав жажду, попросил воды у встретившейся ему дочери чандалы. Когда та сказала, что она дочь чандалы и, боясь осквернить его, не смеет к нему прикоснуться, Ананда ответил: “Сестра моя, я не спрашивал ни о твоей семье, ни о твоей касте... Прошу те-

бя, дай мне воды, если можешь!” Впоследствии эта девушка вступила в общину Шакьямуни.

Эта легенда вполне обрисовывает отношения Шакьямуни и его учеников к женщинам. Первой последовательницей учения Шакьямуни была Прачусапати, кормилица Шакьямуни, а за ней последовали и другие из рода Шакьев.

Сделавшись главой значительного числа духовных последователей, Шакьямуни установил правила их жизни и поддерживал эти правила личным примером.

Общество духовных последователей Шакьямуни называлось *сангха*, члены его – *биккху*, что значит нищий, потому что вступившие в общество давали обет соблюдать бедность и не иметь собственности, исключая, конечно, самых необходимых для жизни вещей. Звание биккху пользовалось большим уважением среди светских последователей Шакьямуни.

Кастового различия в обществе не признавалось – все были равны, и только вступившие в общество раньше имели большее значение, чем вновь вступившие. Кшатрий или брамин, принявший обет биккху после ваишьи и шудры, во всем и везде уступал последнему первенство.

В общине своих учеников Шакьямуни совершенно отверг разного рода произвольные истязания и заменил их строгой нравственной дисциплиной, касавшейся всех мелочей обихода жизни учеников. Он вменил биккху в обязанность вести строгую и приличную жизнь, не нарушая обета бед-

ности. Биккху должен был отличаться прямодушием, правдивостью, быть постоянно ласковым, спокойным и беспристрастным, держать себя с сознанием своего достоинства. Платье биккху обязаны были носить сшитое из старых, брошенных, но чисто вымытых лоскутьев. Оно должно было быть желтого цвета, шилось по образцу того охотничьего плаща, какой Шакьямуни носил со времени своего бегства и постоянно должно было содержаться в чистоте. По примеру учителя, биккху брили голову и подбородок. Все имение биккху заключалось в трех одеждах (по числу времен года), коврике, чаше для подаяний, игольне с иглой и нитками и в паре чулок с башмаками. До каких-либо драгоценных вещей биккху не должен был и касаться.

В общину имели право вступать все люди, обнаружившие твердое намерение стремиться к спасению, за исключением больных заразными или неизлечимыми болезнями, несовершеннолетних (без разрешения их родителей), рабов, пока они не приобретали свободы законным путем, и тяжких преступников. Также не принимались в сангху должники, пока не уплатили своих долгов, и состоявшие на службе воины и чиновники.

При поступлении в общество новичок (саманера) должен был пробывать под наблюдением избранного им самим из среды биккху руководителя известное время испытания. Это испытание для взрослых, уже принадлежавших к какому-нибудь обществу, аскетов продолжалось четыре месяца, для

несовершеннолетних – до достижения ими совершеннолетия.

Впрочем, время испытания зависело также от мнения духовного руководителя саманеры и способностей последнего. Вступая в братство, саманера обязывался совершенно отказаться от светской жизни, соблюдать десять нравственных правил, строго исполнять все правила общежития и стремиться к одной цели – достижению нравственного совершенства.

Правила общежития, данные Шакьямуни, кроме внешней дисциплины и порядка образа жизни биккху, т. е. правильного распределения пищевых продуктов и обращения с платьем и другими принадлежностями житейского обихода, правильного распределения времени дня, состояли также в разного рода наставлениях для преодоления чувственных желаний и страстей и для достижения высшего назначения и самоусовершенствования.

Когда саманера вполне постигал эти правила, он делался биккху. Если почему-либо жизнь в обществе ему не нравилась, он всегда мог оставить ее – выход из общества был свободен (насильственное присоединение Нанды можно объяснить родственными чувствами Шакьямуни, желавшего обратиться во что бы то ни стало на путь спасения легкомысленного юношу). Из наказаний в обществе допускалось только одно – исключение из членов общества и только в том случае, когда биккху нарушал одно из десяти главных правил.

Члены общества жили в монастырях (вихары) или же вели отшельническую жизнь в лесах. Женщины (биккхуни) жили отдельно от биккху и в образе жизни несколько не отличались от последних, впрочем, с той разницей, что жить в одиночестве им не позволялось.

Жилища биккху и биккхуни находились всегда за городом, в загородных рощах и садах. Шакьямуни, благодаря своему знатному происхождению, имел легкий доступ к сильным мира сего, и среди них, как мы знаем, у него было много покровителей и данapati, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства к существованию. Они-то и дарили ему загородные рощи, где находились жилища его духовных последователей и последовательниц. Эти загородные рощи, занятые учениками и ученицами Шакьямуни, назывались сангхарами, т. е. садами братства. Они находились всегда вне городов и селений. Шакьямуни находил городскую жизнь с ее постоянным шумом и развлечениями, несогласной со спокойствием духа и глубокими размышлениями, каких требовало звание биккху. Он допускал пребывание в селениях и городах только в продолжение того времени, какое нужно было для сбора потребного на один день количества пищи или когда он и его ученики были приглашаемы на званые обеды.

День Шакьямуни и его ученики проводили следующим образом: вставали с проблесками зари и раннее утро посвящали духовным занятиям или беседам. Затем направлялись

в ближайший город или селение с чашами для подаяния в руках, с опущенными к земле взорами. При входе в город или селение биккху расходились и шли по улицам, сохраняя глубокое молчание. Они никогда не произносили просьб и только протягивали свои чаши в ожидании подаяния. Они так же спокойно принимали отказ в подаянии, как и богатую милостыню, и брали подаяние без различия состояний, как у бедных, так и у богатых, по порядку домов.

Подаяние состояло обыкновенно из вареного риса или из других каких-либо съестных припасов. К полудню биккху возвращались обратно.

Одна часть набранных подаяний уделялась бедным, другую предназначали для хищных зверей и диких птиц, остальное же, разделенное поровну на число участвующих, шло на обед.

Остаток дня биккху проводили в беседах или предавались созерцанию в уединенном месте, сидя с поджатыми ногами и держа тело прямо и неподвижно в позе, какую можно видеть у статуй и на изображениях Шакьямуни. По буддийским легендам, подобную позу имел Шакьямуни еще во чреве матери. Так проводили день Шакьямуни и его ученики, когда жили более или менее продолжительное время на одном и том же месте, что обыкновенно случалось зимой.

Летом, когда наступали периодические дожди и сообщение делалось трудным, Шакьямуни и его ученики расходились по различным местам во избежание недостатка в про-

питании.

Каждый биккх выбирал себе какую-нибудь деревню и здесь в полном уединении проводил четыре долгих месяца.

Это было так называемое летнее сидение.

По окончании сезона дождей они опять сходились вместе, преимущественно в окрестностях Раджагрихи или Шравасты, где, как было сказано, жили наиболее могущественные и богатые покровители Шакьямуни. Собравшись вместе, каждый из биккху отдавал отчет в своем духовном самоусовершенствовании, достигнутом им в продолжение уединенной жизни. С началом осеннего сезона биккху расходились партиями по Индии для распространения учения. Сам Шакьямуни странствовал в это время преимущественно по Кошале и Магадхе и редко посещал области Западной Индии, колыбель ведийского культа и браминства; границ же собственно Индии он никогда не переходил.

Глава V. Последние события из жизни Шакьямуни

Гибель родины Шакьямуни. – Он – свидетель разрушения родного города. – Его последние странствования. – Болезнь. – Завещание ученикам. – Путешествие в Кушинагару. – Смерть и сожжение его праха. – Спор учеников об останках учителя. – Дальнейшая судьба учения Шакьямуни

Так прожил Шакьямуни до 80 лет. К концу жизни ему привелось быть свидетелем разгрома его родины и гибели близких ему людей.

Мы уже говорили о шатком политическом положении царства Капилавасту и о причине ненависти Шакьев к могущественному царю Кошалы Прасенаджати и его наследнику Виручжаке. С течением времени эта вражда все более обострялась. Чтобы унижить Виручжаку, Шакьи стали распространять слух, что мать его, Моли, взятая насильно из рода Шакьев, вовсе не принадлежала к этому роду, а была простой рабыней-цветочницей. Кроме того, они не ограничились одними словесными оскорблениями, а несколько раз совершали покушения на жизнь Виручжаки.

Разумеется, все эти обиды возбудили в сердце наследника глубокую ненависть и желание мести – он поклялся жестоко

отплатить Шакьям за их гордость и презрение к нему и стереть род их с лица земли.

Вступив на престол по смерти отца, Виручжаки поспешил начать приготовления к войне с Шакьями.

При первых слухах о враждебных намерениях Виручжаки Шакьи обратились с просьбой к Шакьямуни посетить родину, они надеялись на его влияние в случае крайней опасности. Кажется, что Шакьямуни и сам был не чужд этой мысли и принял горячее, хотя и бесплодное участие в последних событиях истории его отчизны. Судьба, до сих пор покровительствовавшая ему, в последнем несчастье отказалась служить ему и не пожалела для него самых жестоких ударов. В надежде отклонить Виручжаку от его враждебных намерений Шакьямуни пошел в Кошалу. На пути он встретил Виручжаку и его войско. Он попытался примирить царя со своей родиной, но эта попытка кончилась неудачно.

Виручжака не внял убеждениям Шакьямуни и продолжал свой поход. Он взял город Капилавасту, перебил всех его жителей, которых было около 100 тысяч, и возвратился с войны с богатой добычей и новым приобретением для своих владений.

Цветущая страна Шакьев опустела и потеряла навсегда свое политическое значение, уцелевшие от резни Шакьи бежали в Непал и другие соседние страны.

Во время разграбления города Шакьямуни вместе с верным Анандой находился невдалеке, в одной из пригородных

рощ. До него доносились шум битвы, звуки мечей, крик и вопли сражавшихся и умиравших людей.

“Да исполнится судьба их”, – сказал он и, жалуясь на сильную головную боль, лег на землю, прикрывшись плащом; он хотел скрыть от своего ученика овладевшие им скорбь и тоску.

Когда враги удалились, он ночью проник в город и бродил по его опустевшим улицам, покрытым развалинами и усеянным трупами его соотечественников. В дворцовом саду, где он играл в детские годы, были разбросаны тела молодых девушек, которым враги отрубили руки и ноги. Некоторые из них были еще живы и издавали жалобные стоны. Шакьямуни жалел и утешал их, обещая им в следующем возрождении лучшую жизнь. Затем он удалился от места горестных сцен.

Странствуя в продолжение 45 лет из города в город и повсюду распространяя свое учение, он перед смертью еще раз посетил город Раджагриху, место начала его учительской деятельности. Отсюда он направился в город Вайшали; здесь, чувствуя, что его земной путь приближается к концу, он обратился к ученикам с речью, в которой просил их ревностно поддерживать его учение и, сохраняя в чистоте, распространять его во всех странах. Вблизи города Вайшали, в деревне Белуво, он отпустил учеников и провел в уединении дождливый сезон года. Здесь он опасно заболел, но, не желая умереть, не поговорив еще раз с учениками, энергично воспротивился развитию болезни и поборол ее. “Не следует

мне, – сказал он, – погружаться в нирвану, не обратившись с последней речью к моим ученикам. Присущей мне силой воли я поборю эту болезнь, удержу на время дыхание жизни”.

Несмотря на слабость он по окончании летнего сидения направился к Бхайенагаре, и здесь он еще раз завещал ученикам сохранять и распространять его учение и, кроме того, советовал им относиться терпимо к убеждениям и верованиям других людей. Он убеждал их относиться без всякого предубеждения к словам других людей и с глубоким вниманием обдумывать их, и лишь убедившись в их полной неосновательности, отбрасывать как негодные, в противном же случае принимать как его собственные.

После этой беседы он, сопровождаемый Анандой, направился в страну Малласов, к г. Кушинагаре, где он начал свою отшельническую жизнь.

На пути к г. Кушинагаре, в городе Паве, он, поев вяленой свинины, предложенной ему Чундой, кузнецом, у которого Шакьямуни обедал, сильно заболел, но несмотря на болезнь продолжил свой путь.

Удрученный болезнью, он шел по бесплодным и пустынным местам, изредка обращаясь к своему спутнику со словами, показывающими печальное настроение его духа. Он говорил о недолговечности и о смерти, о непрочности счастья и надежд и оплакивал горестную судьбу людей.

Мучимый сильной болью в спине, которой он страдал всю жизнь, он часто останавливался в пути и отдыхал под тенью

деревьев и, наконец, с трудом дошел до окрестности Кушинагары.

Здесь силы совершенно покинули его, он почувствовал сильную, невыносимую жажду. Ананда принес ему воды, чтобы несколько утишить страдания Шакьямуни, и затем приготовил ему ложе из ковра под тенью дерева сала.

Шакьямуни, по индусскому обычаю, лег на него головой на север. Наступали последние минуты жизни Шакьямуни; перед смертью он еще раз завещал Ананде строго хранить его учение и затем погрузился в созерцание.

Ананда с горестью смотрел на предсмертное томление своего брата, друга и наставника, – жизнь постепенно оставляла изможденное тело великого учителя; перед тем как испустить последний вздох, Шакьямуни произнес:

– Ничто не вечно!

Он умер около 543 года до Р. Х.

Ананда, оплакав смерть учителя и покрыв его труп, отправился с печальной вестью в Кушинагару.

По просьбе Ананды, жители Кушинагары приготовили все необходимое для торжественного сожжения праха усопшего учителя и воздали смертным останкам его царские почести.

Узнав о смерти учителя, Кашьяпа и другие ученики поспешили прибыть в Кушинагару.

После семидневных приготовлений тело с большой торжественностью и великолепием было вынесено к восточным

воротам города и возложено на костер для сожжения.

После сожжения пепел был собран в золотую урну, и в честь милосердного просвещенного великого учителя было устроено семидневное торжество. Впоследствии на месте сожжения тела Шакьямуни был поставлен столб (ступа) с надписью. По некоторым легендам, из-за споров о чести хранения печальных останков великого учителя ученики забыли даже преподанные им правила кротости.

Так умер великий религиозный реформатор Индии, провозгласивший равенство и солидарность всех людей в духовном отношении и сильно пошатнувший кастовые традиции.

Шакьямуни не оставил после себя никаких письменных сочинений; сохранению его учения потомство обязано счастливой памяти его постоянного спутника Ананды и других учеников. В последнем обстоятельстве нет ничего удивительного, – необыкновенная память индусских браминов признается многими известными европейскими ориенталистами. Например, Макс Мюллер говорит, что если бы по какому-либо случаю все священные книги браминов вдруг были уничтожены, то их легко можно было бы восстановить с помощью знающих наизусть эти книги браминов слово за словом, слог за слогом. Так передавалось и учение Шакьямуни. По смерти учителя, Кашьяпа, занявший его место, собрал всю его метафизику, Ананда – правила морали и афоризмы и Упали – правила аскетике. Устно учение передавалось около 300 лет. Наконец, при царе Ашоке (259 – 22 года

до Р. Х.), после третьего буддийского собора в Паталипутре учение было записано на пальмовых листьях по приказу царя. Все учение Шакьямуни было собрано в трех книгах, известных под названием “типитака” (три корзины) – Суттра, Виная и Абхидхамма-питака.

В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Шакьямуни, предназначенные и для духовных, и для светских последователей его учения. Во второй, т. е. в Винае-питаке, содержатся предписания и правила образа жизни биккху, и наконец, в третьей – Абхидхамме-питаке – находится метафизическая часть учения Шакьямуни, доступная только людям, достигшим высшей степени духовного и нравственного совершенства.

При Ашоке учение Шакьямуни достигло апогея своего развития в Индии и сильно распространилось в соседних странах, но затем значение его в Индии стало уменьшаться, и хотя оно еще долгое время держалось в ней рядом с брахманизмом, но наконец последний вытеснил его из Индии, и в настоящее время собственно в Индии, как это видно по статистическим данным о народонаселении, взятым нами из “India office”, буддистов насчитывается всего около трех с половиной миллионов из 270 миллионов всех жителей, последователей браминской религии 190 миллионов. Но зато он утвердился в других странах. К таким странам принадлежат: Индокитай, Китай, Япония, Монголия, остров Цейлон и др., где всех последователей учения Шакьямуни насчитыва-

ется около 400 миллионов (по другим сведениям, всего только 150 миллионов). Но и в тех странах, где буддизму удалось водвориться, он не сохранился в первоначальном виде. Повсюду он смешивался с туземными религиозными верованиями и, таким образом, в течение своего продолжительного существования выродился почти в такую же чудовищную систему нелепых суеверий и жреческого деспотизма, как и браминство.

Простое учение Шакьямуни под влиянием чуждых религий обратилось даже в грубое идолопоклонство; развитие внешних форм, обрядности заменило основную черту этого учения – мораль, сильно затемнило первоначальный смысл учения и сделалось не только для большинства верующих, но и для избранного меньшинства сущностью религии. Например, мы знаем, что Шакьямуни совершенно не признавал богов, в смысле браминской теологии, и сам себя не выдавал за божество, а только за обладателя мудрости и истины; но большинству его последователей было трудно отрешиться от проникших в кровь и плоть прежних религиозных убеждений, и они признали многих богов браминской и других религий, и сам учитель в их глазах делался постепенно все более и более необыкновенным существом и, наконец, божеством, ставшим во главе других богов. Сначала на него смотрели только как на образец нравственного совершенства, затем как на властителя мира, и наконец он сделался чисто отвлеченным догматическим понятием.

В настоящее время буддизм распадается на две главные группы – буддизм северный и буддизм южный.

Главным центром северного буддизма является Тибет, а затем Китай, Япония, Непал, Монголия, а также он распространен среди бурят и калмыков. Северный буддизм является полнейшим извращением основного учения Шакьямуни.

Южный буддизм, распространенный в Сиаме, Бирме и на острове Цейлон, сохранил учение Шакьямуни в большей чистоте.

В последнее время среди южных буддистов стали возникать попытки совершенно очистить учение Шакьямуни от всех наносных элементов и вместе с тем объяснить это учение с точки зрения современной науки, например, с точки зрения теории эволюции, исходя из того основного положения буддийской религии, что всякое существование есть результат закона воздаяния, закона связи причины и следствия.